

Тин  
2473

371  
688

801-15  
2425 ф5

Графъ Ив. Ив. Толстой.

C  $\frac{58^*}{58}$  9

371(47)

**ЗАМѢТКИ  
О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ  
ВЪ РОССІИ**

8594  
~~3044~~



**С.-ПЕТЕРБУРГЪ**  
Типографія Т-ва М. О. Вольфъ  
1907

Российская Государственная  
Библиотека  
Народной Провещания

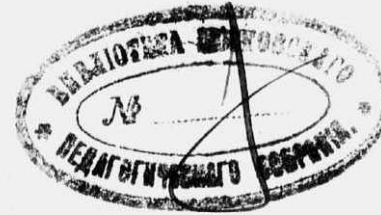


ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ  
Г-на М. О. БОЛЫШЪ  
СПЕТЕРБУРГЪ. Бас. ботр. 16 анца сов. дмр

92655841



2014142999



I.

## ПОЛИТИКА ВЪ ШКОЛѢ \*).

Въ переживаемое нами тяжелое время, когда невольно вспоминается пророчество о томъ, что передъ кончиною міра возстанетъ братъ на брата, и сынъ на отца, и отецъ на сына,

\*) Эта глава напечатана мною, какъ отдѣльная статья, въ № 240 газеты «Слово», 31 Августа нынѣшняго года подъ заглавіемъ: «Государство и школа».

всякій поднятый вопросъ, всякій проектъ реформы, а тѣмъ болѣе все существующее, все установленное подвергается не только самой яростной критикѣ, но прямо-таки злобной ругани. Люди не желаютъ понимать другъ друга, если они не принадлежатъ не то-что къ одному лагерю, а къ одному кружку, къ фракціи какой-нибудь партіи: всякій, не входящій въ составъ кружка, къ которому принадлежитъ спорящій или нападающій, обязательно считается или дураномъ, или недобросовѣстнымъ человѣкомъ, подлецомъ, а если есть возможность за что-либо зацѣпиться, — то воромъ, разбойникомъ, растлевателемъ нравовъ! Только и есть свѣта у каждаго въ своемъ окошечкѣ или, вѣрнѣе, даже не въ своемъ, такъ какъ своего-то собственнаго окошечка мало у кого и есть, а въ окошечкѣ той партіи, къ которой человѣкъ примкнулъ, или, еще чаще, того партійнаго органа печати, который онъ читаетъ.

Божественная заповѣдь «Не убій»

превращена въ противоположную — «убій», и люди, принадлежащіе къ партіямъ лѣваго политическаго крыла, возмущаясь казнями, къ которымъ прибѣгаетъ правительственная власть, или благосклонно относятся къ политическимъ убійствамъ, считая ихъ печальнымъ, но необходимымъ явленіемъ, или прямо даже поощряютъ ихъ, душевно радуясь имъ, а люди праваго крыла, возмущаясь политическими убійствами, хвалятъ казни, нѣкоторые жалѣютъ, что мало еще вѣшаютъ и разстрѣливаютъ.

Но если такой ужасъ, какъ насильственная смерть, преждевременное и жестокое лишеніе жизни человѣка волнуетъ большинство людей только въ зависимости отъ симпатій или антипатій къ тому политическому лагерю или къ той общественной группѣ, къ которымъ онъ принадлежалъ, то ожидать пощады высказываемымъ мнѣніямъ было-бы наивно: если не вѣришь, какъ вѣримъ мы, то молчи, а то не хочешь ли...

Въ такое тяжелое время, когда де-

шевыя злоба и ненависть замѣнили собою цѣнную для человѣчества любовь и благоволеніе, трудно человѣку, не принадлежащему ни къ какой партіи, выступать въ печати, трудно потому, что онъ заранѣе можетъ быть увѣренъ, что, не подлаживаясь подъ программы или вождедѣнія той или другой кружковщины, онъ никому не угодитъ и встрѣтитъ возраженія со всѣхъ сторонъ. Если я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь выступить въ печати, то дѣлаю это потому, что высказываемыя мною мнѣнія все-же могутъ, съ одной стороны, кое-кого предостеречь отъ ложныхъ и опасныхъ рѣшеній, а съ другой—внести тѣ или другія поправки при разработкѣ чрезвычайно важныхъ вопросовъ, стоящихъ несомнѣнно на ближайшей очереди.

Въ моихъ глазахъ, и смѣю думать, не въ моихъ однихъ, такую первостепенную важность уже давно имѣли у насъ въ Россіи и нынѣ имѣютъ вопросы, связанныя съ постановкою народнаго образованія на всѣхъ его

ступеняхъ; и вотъ, я рѣшаюсь коснуться именно этой трудной области, трудной потому, что едва-ли въ какой-либо другой всякое положеніе, всякое мнѣніе болѣе оспаривается и притомъ оспаривается настойчиво, иногда даже съ яростью. И кто только не считаетъ себя компетентнымъ въ этой области? Вѣдь всякій въ ней заинтересованъ—одинъ въ качествѣ родителя, другой въ качествѣ обучающаго, третій — учащагося, наконецъ, хотя-бы въ качествѣ учившагося или даже желающаго учиться.

И странное дѣло! При такомъ общемъ интересѣ къ вопросамъ народнаго образованія постановка его не только не улучшается и никого не удовлетворяетъ, но она въ дѣйствительности много оставляетъ желать лучшаго, если даже не признавать ея изъ рукъ вонъ плохую. И надо сознаться—только лѣнивый, можно сказать, не ругаетъ нашей школы, а защитниковъ ея совсѣмъ не слышно.

Тутъ я долженъ, впрочемъ, оговориться: единодушное почти отрица-



тельное къ себѣ отношеніе заслужила средняя общеобразовательная школа, на первомъ планѣ гимназія, а затѣмъ реальное училище, т. е., «нормальные» типы среднеучебной правительственной школы. Относительно специальныхъ училищъ еще спорятъ, и нѣкоторые новые типы (не вслѣдствіе ли новизны, какъ мнѣ кажется, опытовъ), удостаиваются одобренія наиболѣе хотя-бы заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Высшая школа, какъ университеты, такъ и специальные «институты», хотя и подвергается порицанію съ разныхъ, даже диаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія, но имѣетъ и своихъ убѣжденныхъ защитниковъ, хотя-бы и немногочисленныхъ; зато низшая, т. е., сельская и городская школа имѣетъ уже, пожалуй, больше защитниковъ, чѣмъ враговъ; но и тутъ настойчиво предъявляются требованія и, скажу, вполне справедливыя, улучшения и развитія дѣла; только критика здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, не такая злая и не такая на-

стойчивая, какъ относительно высшихъ разрядовъ учебныхъ заведеній, и то вѣрнѣе потому, что непосредственно въ этой школѣ заинтересованные, крестьяне—молчатъ.

При такомъ единодушіи нападокъ на учебное дѣло со стороны публики, и притомъ независимо даже отъ того, къ какому лагерю принадлежатъ хулители его (ругаютъ всѣ, но съ разныхъ сторонъ, какъ я уже говорилъ, иногда съ противоположныхъ точекъ зрѣнія), замѣчательно, что и правительственная власть тоже совершенно отрицательно относится къ своему-же собственному дѣтищу.

Вообще, отношеніе правительства, взятаго въ цѣломъ, къ составляющему часть его-же самого вѣдомству народнаго просвѣщенія весьма характерно и достопримѣчательно. Это поистинѣ какой-то пасынокъ въ государственно-административной семьѣ или какой-то блудный сынъ, не вернувшійся еще къ отцу.

Въ спокойное время и Государственный Совѣтъ, и министры, стоявшіе

во главѣ другихъ вѣдомствъ, почти игнорировали нужды вѣдомства народного просвѣщенія, и куда легче было управляющему морскимъ министерствомъ добиться ассигнованія десяти—другого милліоновъ на военныя суда неизвѣданной еще системы, чѣмъ министру народного просвѣщенія получить 1 милліонъ на самыя неотложныя и ясныя нужды университетовъ или на увеличеніе числа начальныхъ школъ.

Мало того, недовѣріе къ вѣдомству народного просвѣщенія и къ его руководителямъ, кто-бы они ни были, т. е., кѣмъ-бы ни былъ замѣщенъ постъ министра, такъ твердо укоренилось въ остальныхъ министрахъ, опять-таки кто-бы они ни были, что чѣмъ помочь ему и сообща обсудить положеніе народного образованія, позаботиться о цѣлесообразной реформѣ его, они предпочитали заводить собственные школы, организовать собственную систему образованія, какъ недавно сдѣлало министерство финансовъ при С. Ю. Витте.

Въ настоящее время нѣтъ почти вѣдомства, которое не имѣло-бы своей учебной части, проводя собственную («просвѣтительную») систему и политику. Въ мою задачу не входитъ останавливаться на этомъ явленіи и подробно разбирать его сущность и послѣдствія (какъ положительныя, такъ и отрицательныя), но подчеркивая симптоматичность самаго факта, слѣдуетъ констатировать, что руководящая, такъ сказать, центральная роль въ дѣлѣ народного образованія остается, весьма естественно, несмотря на эти заѣзды въ чужую область, за министерствомъ народного просвѣщенія.

И несмотря на то, что вѣдомству этому, какъ я сказалъ, не довѣряли ни снизу, ни сверху, ни со стороны, на него по преимуществу возлагались однѣ изъ главныхъ задачъ, если не самыя главныя государственныя задачи: путемъ школы обрусить все не-русское въ государствѣ; внушить юношеству уваженіе и любовь къ существующему государственному и соціальному строю; и наконецъ,

8594

являться однимъ изъ главныхъ факторовъ въ разрѣшеніи или, по крайней мѣрѣ, упорядоченіи «еврейскаго вопроса».

Итакъ, съ одной стороны — недоувѣріе и болѣе чѣмъ скептическое отношеніе ко всей дѣятельности вѣдомства, а съ другой — требованіе разрѣшить три коренныхъ вопроса, не считая, конечно, болѣе мелкихъ, русской государственности: сліяніе окраинъ съ центромъ, воспитаніе довольныхъ своимъ правительствомъ и государственнымъ устройствомъ гражданъ и рѣшеніе еврейскаго вопроса!..

Если-бъ мы даже не имѣли позади себя многолѣтняго отрицательнаго опыта, то откровенно должны были бы заранѣе признать, что всѣ три цѣли черезъ школу, саму по себѣ, недостижимы, а потому и стремленіе къ ихъ достиженію вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія должно быть брошено, и только тогда, когда вѣдомству этому будетъ поручено единственное присущее ему дѣло—предо-

ставить возможность подрастающему поколѣнію получить дѣйствительное образованіе и воспитаніе, только тогда, повторяю, дѣло пойдетъ на ладъ, вѣдомство мало-по-малу заслужитъ не только довѣріе, но и уваженіе, а остальное «все приложится», говоря словами Писанія.

Будучи рѣшительнымъ и убѣжденнымъ противникомъ «революцій», всякаго вообще насилія и наносящаго всегда самимъ людямъ вредъ безпорядка и ненависти, я именно отчасти поэтому утверждаю, что народное просвѣщеніе въ Россіи только тогда станетъ на вѣрный и плодотворный путь, когда вѣдомство, руководящее имъ и должествующее заботиться о немъ, будетъ (*sit venia verbo*) отшито отъ «политики», перестанетъ быть факторомъ политическаго воздѣйствія, избѣгнетъ опасности быть, какъ это, увы, часто бывало, «подпаскомъ» министерства внутреннихъ дѣлъ и, въ частности, пособникомъ департамента полиціи...

Постараюсь вкратцѣ, чтобы не на-

доѣсть читателю, пояснить свои мысли для тѣхъ, которымъ онѣ могутъ показаться, по привычкѣ думать по принятому у насъ шаблону, слишкомъ мало обоснованными, слишкомъ «академичными», въ надеждѣ, что и несогласный со мною дастъ себѣ трудъ обдумать мои слова, внушенные глубочайшимъ и самымъ искреннимъ убѣжденіемъ.

Возьмите первую изъ указанныхъ мною цѣлей: обрусить посредствомъ школы все не-русское. Возможно-ли это помимо воли самого учащагося и его родителей? Вѣдь если полякъ, нѣмецъ, грузинъ дорожатъ своею народностью, неужели они, зная цѣль школы—передѣлать ихъ сыновей въ доподлинныхъ русскихъ, если не презирающихъ свое польское, нѣмецкое и т. д., то во всякомъ случаѣ, предпочитающихъ русское своему родному, не будутъ всѣми силами бороться съ этимъ, внушая дѣтямъ любовь къ своему, въ ущербъ русскому, навязываемому?

Станьте, русскій читатель, на ихъ

точку зрѣнія и вообразите Россію, покоренною поляками или нѣмцами: неужели вы не стали-бы поступать такъ-же, какъ они? Вспомните при этомъ, что идеаломъ руссификатора посредствомъ школы является невозможность, безъ ущерба, поляку или нѣмцу учиться въ польской или нѣмецкой школѣ и необходимость учиться въ русской. Результатъ долженъ получиться и получается только одинъ: инородецъ пріобрѣтаетъ въ русской школѣ знаніе, полезное ему для его практической дѣятельности въ Россіи, но не только не перестаетъ быть, благодаря воздѣйствію семьи, съ одной стороны, и оскорбленному личному національному достоинству—съ другой, инородцемъ, чужакомъ, но привыкаетъ считать Россію насильницею, разлучницею отъ родного племени, ея поработеннаго.

Но представьте себѣ другое положеніе: рядомъ съ «инородческою» существуетъ другая школа—русская, не преслѣдующая руссификаторскихъ цѣлей, а просто отлично поставлен-

ная въ педагогическомъ отношеніи, дающая знаніе безъ постороннихъ цѣлей. Поступившій въ нее «инородецъ», оставаясь сыномъ своего племени, не измѣняя ему, не только охотно научится всему русскому, но даже полюбитъ русскую школу, а съ нею и Россію, но не потому, что школа желала сдѣлать изъ него русскаго, а только потому, что она хорошая школа, а вслѣдствіе этого ее нельзя было не полюбить.

Такъ, русскіе юноши, воспитанные въ нѣмецкой школѣ, часто вспоминаютъ о ней съ любовью и, если они не онѣмечатся (могутъ быть, даже бывали и такіе случаи; но вѣдь для русскаго патріота не будетъ горемъ, если полякъ или нѣмецъ въ русской школѣ превратится въ русскаго), а останутся русскими (если родители объ этомъ позаботятся, то это такъ и будетъ), то на всю жизнь обыкновенно сохраняютъ уваженіе къ нѣмецкой наукѣ и къ нѣмецкому складу жизни. Но достигаетъ ли такого результата нѣмецкая школа тамъ,

гдѣ она беретъ на себя политическую роль, гдѣ она навязывается населенію? Въ Прусской Польшѣ, раньше въ Чехіи и т. д.?

Въ русскую школу пойдутъ охотно на окраинахъ тогда, когда она будетъ хороша, когда она не будетъ преслѣдовать политическихъ цѣлей, а будетъ полезна «инородческому» населенію, уважая притомъ его особенности, вводя въ свой курсъ добросовѣстное изученіе мѣстнаго языка, можетъ быть исторіи и географіи края; тогда, и только тогда школа, не намѣренно, но фактически, современемъ, когда улягутся страсти, можетъ сыграть политическую роль примирительницы окраинъ съ господствующимъ центромъ.

Теперь рассмотримъ вторую цѣль, навязанную школѣ: создать консервативныхъ гражданъ (употребляю этотъ терминъ для краткости). Но слѣдуетъ ли еще доказывать truизмъ, что вводить въ школу политику, въ прямомъ смыслѣ, вредно и что занятіе политикою въ школѣ нежелательно въ пе-

дагогическомъ отношеніи и опасно въ государственномъ? Съ такимъ положеніемъ согласится, конечно, всякій «консерваторъ» по убѣжденію, причемъ съ жаромъ будетъ доказывать, что политика должна быть изгнана изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, что они созданы для науки, для ученія, а не для политической агитаціи, не для «митинговъ».

Каждый профессоръ, преданный искренно наукѣ, каждый педагогъ, дѣйствительно любящій и понимающій свое дѣло и не смотрящій на вопросъ съ утилитарно — «тактической» точки зрѣнія какой — нибудь политической партіи, согласится съ этимъ, будучи даже не «консерваторомъ», а «либераломъ» (употребляю эти древніе термины для краткости, въ качествѣ обобщающихъ). Но, къ сожалѣнію, тотъ-же консерваторъ, не педагогъ найдетъ вполне «педагогическимъ», чтобы школа боролась «всеми средствами» съ глетворными ученіями нашего времени; чтобы школа не только внушала уваженіе къ суще-

ствующему порядку вещей, но чтобы она поставила себѣ одною изъ главныхъ цѣлей всеми мѣрами бороться съ «либерализмомъ», вплоть до сыска включительно, до изгнанія изъ стада всѣхъ, по возможности, «паршивыхъ овецъ»...

Какъ только люди не видятъ, что палка бываетъ всегда о двухъ концахъ?! И какъ не желаютъ понять, что съ мыслью, съ идеями бороться насиліемъ и внѣшними мѣрами нельзя. Цѣлью школы, всякой школы, должно быть прежде всего — дать знаніе и, координируя его, научить самостоятельно мыслить, развивая заложенные въ ребенкѣ или въ юношѣ способности, сдѣлать изъ него прежде всего не гражданина, какъ желали-бы, въ совершенно противоположномъ другъ другу смыслѣ, консерваторъ и прогрессистъ, а мыслящаго, гуманнаго и «образованнаго» человекѣ. Изъ такого человекѣ, можно быть увѣреннымъ, уже выйдетъ гражданинъ, правда, можетъ быть, не по трафарету той или дру-



гой политической партіи. Но для этого нужно прежде всего, чтобы школа была хорошею, чтобы она пользовалась высокимъ авторитетомъ въ глазахъ общества, въ глазахъ родителей, а также (и отчасти потому) въ глазахъ учащихся.

Такою школою будутъ дорожить всѣ и будутъ беречь ее, не за страхъ, а за совѣсть, но только въ томъ случаѣ, повторяю, если ясно будутъ сознавать, что она занята исключительно своимъ великимъ дѣломъ («образованія») человѣка, а не посторонними стремленіями сдѣлать кому-то что-то угодное, понравиться, заслужить одобреніе сверху.

Тогда и строгость, и требованіе необходимой школьной дисциплины будутъ понятны и поддержаны обществомъ, такъ какъ оно будетъ охранять и спасать свою родную школу, нужную для него самого, для его дѣтей, а не для тѣхъ или другихъ администраторовъ, для достиженія тѣхъ или иныхъ правительственныхъ, государственныхъ идей, весьма, можетъ

быть, почтенныхъ сами по себѣ и даже полезныхъ для того-же общества, но ему или мало понятныхъ, или весьма часто враждебныхъ его собственнымъ политическимъ настроеніямъ, причемъ допускаю, что общество совершенно не право и не понимаетъ своей собственной пользы, что право правительство, да бѣда въ томъ, что когда-то такая правота правительства и ошибка общества выяснятся и докажутся съ достаточною ясностью!

Если я къ вышеизложеннымъ двумъ цѣлямъ общаго политическаго характера, которыя вводятся правительствомъ въ дѣло руководства народнымъ образованіемъ, присоединилъ третью, болѣе частнаго характера, а именно—участіе министерства народнаго просвѣщенія въ антисемитской борьбѣ (я иначе назвать не могу) русской государственной машины, то сдѣлалъ я это совершенно сознательно.

Какъ по количеству евреевъ, живущихъ въ Россіи, такъ и по той роли,

которую они играютъ въ нашей политической и общественной жизни, еврейскій вопросъ является для насъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ и несомнѣнно страшно наболѣвшихъ, отъ рѣшенія котораго въ томъ или другомъ направленіи зависитъ очень многое, имѣя къ тому свойство особенно волновать людей, несогласныхъ между собою относительно способовъ его разрѣшенія, возбуждать между людьми положительно смертельную вражду!

И вотъ, въ дѣло разрѣшенія этого, поистинѣ «проклятаго» вопроса втянута школа, та-же многострадальная русская школа.

Если есть добродѣтель, которая должна быть присуща всякой порядочной школѣ, то это — справедливость, послѣдствіемъ которой должно быть равное, безпристрастное отношеніе ко всѣмъ: въ наукѣ, какъ и въ подготовительной къ наукѣ «сучобѣ» не можетъ быть ни эллина, ни еврея. Я не буду разбирать здѣсь всего остроумія (по-нѣмцки такое

остроуміе называется Galgenhumor) установленія процентнаго комплекта въ учебныхъ заведеніяхъ и тѣхъ вполнѣ отрицательныхъ результатовъ, которые получились отъ этой мѣры даже съ точки зрѣнія ея изобрѣтателей, но ограничусь здѣсь только краткимъ указаніемъ на то, какое вліяніе она имѣла на развитіе уваженія къ нашей правительственной школѣ.

Объяснить молодымъ людямъ или мальчишкамъ, что евреевъ можно допускать въ школу всего, снажемъ, 5 или 6<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, а нѣмцевъ, которыхъ въ Россіи меньше, чѣмъ евреевъ, хоть 15<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, грузинъ, которыхъ еще меньше, тоже сколько угодно и т. д., невозможно, если не пояснить, что евреи вообще вредны, представляютъ собою нѣчто нечистое; но тогда и тѣ 5 или 6<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, которые попали къ нимъ въ товарищи, вѣдь тоже вредны или нечисты? Зачѣмъ же ихъ принимаютъ? Почему юный еврей, получившій въ среднемъ отмѣтку 4, не поступаетъ въ гимназію, а христіанинъ, мусульманинъ, буддистъ съ тройкою въ среднемъ, если

есть вакансія, поступаетъ? Это справедливость? А почему всякій, окончившій гимназію и получившій документъ, называемый аттестатомъ зрѣлости, идетъ прямо въ университетъ и по праву занимаетъ тамъ мѣсто въ любой аудиторіи, а для его товарища-еврея такой-же аттестатъ является не безспорнымъ документомъ, а какимъ-то лотерейнымъ билетомъ, на который неизвѣстно еще, упадетъ-ли, нѣтъ-ли выигрышъ? Это справедливость? А сами попавшіе въ гимназію, въ университетъ молодые евреи считаютъ это тоже справедливостью? Да что-же это, наконецъ?

Правительство выдало за справедливую мѣру, которую никто изъ тѣхъ, кого она касается и которые съ нею ближе сопринасаются, никогда справедливою найти не могутъ, и такую геніальною мѣрою еще искусственно внѣдрило въ свои-же школы, хотя-бы въ небольшомъ количествѣ, такой ферментъ, который долженъ возбуждать ненависть къ самому правительству...

Для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что юдофобская политика, проводимая черезъ школу, была не послѣднею причиною какъ ея деморализаціи, такъ и ея дискредитированія, какъ явное и неоспоримое доказательство ея служебной роли въ государственной внутренней политикѣ, вообще ея государственно-полицейскихъ, выражаясь грубо, функций.

Итакъ, я повторяю, прежде чѣмъ приступать къ реформѣ школы сверху до низу, нужно раньше всего признать ее неподходящимъ орудіемъ для полицейско-политическихъ цѣлей, слѣдуетъ вернуть ее къ прямымъ ея задачамъ просвѣщенія: ученію и воспитанію; слѣдуетъ стремиться къ воспитанію черезъ ея посредство не гражданина, вопреки мечтамъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей — въ одномъ направленіи, и вопреки моднымъ нынѣ вѣяніямъ, въ совершенно обратномъ, а человека: изъ образованнаго и развитаго человека почти навѣрно выйдетъ созна-

тельный гражданинъ, а изъ гражданина, повторяю опять, выйдетъ-ли человекъ въ возвышенномъ и прекрасномъ смыслѣ этого слова и даже твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, вполне самостоятельный, а потому хорошій гражданинъ—еще большой вопросъ...

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступать къ реформѣ школы, по моему искреннему убѣжденію, слѣдуетъ правительству отказаться отъ несчастной мысли сдѣлать эту школу проводникомъ своей правительственной политики и рѣшиться отнести къ дѣлу народнаго образованія, какъ къ своей обязанности по отношенію къ народонаселенію государства, т. е., дать ему возможность развить свои способности, благодаря знанію и рациональному воспитанію. Безъ этой предпосылки никакія самыя лучшія реформы хорошихъ результатовъ не дадутъ и только дискредитируютъ тѣ улучшения, которыя могутъ и должны быть внесены въ это важное и необходимое государственное дѣло.

Дисциплина въ школѣ необходима, она можетъ быть даже очень строгою, но она всегда должна имѣть въ виду педагогическія цѣли, а не политическія, и школа обязана приучить своихъ питомцевъ уважать ея распорядокъ и правила внутренней жизни, какъ не должна имѣть права, подъ страхомъ потери своего нравственнаго авторитета, преслѣдовать убѣжденія своихъ питомцевъ и наказывать за нихъ, или искусственно, напротивъ, поощрять ихъ. Я настолько убѣжденъ въ правильности выставляемаго мною положенія, что воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ доказательствъ, но прошу читателя моей статьи спокойно, къ какому-бы политическому лагерю онъ ни принадлежалъ, внимнуть въ мою мысль.



## II.

## СРЕДНЯЯ ШКОЛА.

Выше мною было замѣчено, что изъ всѣхъ разрядовъ школъ наибольшихъ нападковъ заслужила средняя школа, въ частности основныхъ два типа ея—«классическая» гимназія и реальное училище.

Въ виду уже одного этого обстоятельства, я рѣшаюсь поговорить, прежде всего, о нихъ; но къ этому соображенію присоединяется и другое: среднее образованіе тѣснѣй-

шимъ образомъ связано съ высшимъ, представляя собою не само-довлѣющій типъ школы, а только подготовительныя учебныя заведенія, гдѣ преподается какъ-бы пропедевтика тѣхъ наукъ, которыя являются предметомъ изученія въ высшей школѣ. Слѣдовательно, съ одной стороны, университету или иной высшей школѣ приходится поневолѣ считаться съ тѣмъ, какова постановка преподаванія въ средней школѣ, а съ другой—составъ слушателей, весь ихъ, если такъ дозволено выразиться, обликъ будетъ всегда такимъ, какое, въ общемъ, дали имъ гимназія, реальное училище и т. п.

Что наша средняя школа плоха—въ этомъ согласны, кажется, всѣ, но если спросить каждаго въ отдѣльности, въ чемъ ея недостатки, въ чемъ ее можно обвинять, то каждый будетъ судить со своей точки зрѣнія. Одно остается несомнѣннымъ: это то, что какъ родители, такъ и учащіеся смотрятъ на нее, довольно единодушно, только какъ на необходимое, неиз-

бѣжное зло и радуются искренно, когда искусству пребыванія въ средней школѣ приходитъ конецъ.

Печальнѣе всего тотъ фактъ, что окончившіе курсъ ученики, пробывшіе въ стѣнахъ учебнаго заведенія отъ 7 до 9 и болѣе лѣтъ, притомъ самые свѣтлые годы дѣтства и ранняго юношества, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вспоминаютъ родную школу не съ любовью, не съ благодарностью, а съ тоскою или ненавистью. Въ чемъ-же дѣло?

Перечислять грѣхи и недостатки средней школы было-бы неблагоприятною задачею, да и не столько въ нихъ дѣло, сколько въ установившемся воззрѣніи на среднюю школу.

Для чего въ нее отдають дѣтей, для чего эти дѣти въ нее поступаютъ? На это можно съ увѣренностью отвѣтить: въ рѣдчайшихъ, единичныхъ случаяхъ—для приобрѣтенія знанія, въ подавляющемъ большинствѣ — ради приобрѣтенія правъ: прежде всего, права поступленія въ высшее учебное заведеніе, правъ по

воинской повинности, правъ службы, наконецъ.

Родители отдають своихъ дѣтей ради того, чтобы, посредствомъ приобрѣтенныхъ аттестатовъ и дипломовъ, они вышли въ люди, сдѣлали карьеру, не были хуже другихъ и могли зарабатывать хлѣбъ интеллигентнымъ трудомъ.

Съ этимъ основнымъ отношеніемъ къ средней школѣ необходимо считаться и никакая реформа ея не измѣнитъ этого отношенія, если оно, прежде всего, не будетъ принято во вниманіе. Что отношеніе это ненормально, что школа отъ него должна страдать — ясно, а слѣдовательно его нужно какъ-нибудь измѣнить, чтобы спасти необходимый авторитетъ школы, безъ котораго она становится не факторомъ мирнаго развитія страны, а пособницею анархіи и смуты.

Если-бъ спросить самихъ учащихся и ихъ родителей, чего-бы они хотѣли, то  $\frac{9}{10}$  отвѣтили-бы: поменьше-бы мучили, поменьше задавали-бы, меньше требовали-бы, ставили-бы лучшіе



баллы, поменьше-бы экзаменовъ, поменьше «ненужныхъ» предметовъ... вообще всего поменьше и все полегче.

Я думаю, что если-бъ инымъ родителямъ предложили выдавать аттестатъ ихъ сыновьямъ безъ всякаго экзамена, а просто за извѣстное, конечно минимальное, количество лѣтъ пребыванія въ гимназій, — они съ радостью приняли-бы такое предложеніе, а сыновья ихъ были-бы въ полномъ восторгѣ...

Бѣда только въ томъ, что на ту же гимназію раздаются, только съ другой стороны, жалобы совершенно иного рода: профессора высшихъ учебныхъ заведеній, а особенно университетовъ, куда гимназисты поступаютъ безъ повѣрочнаго экзамена, безъ конкурса, находятъ, что контингентъ студентовъ качественно понижается, что аттестатъ зрѣлости не является свидѣтельствомъ зрѣлости ума и знаній недавнихъ гимназистовъ, что большинство гимназистовъ поразительно невѣжественны,

недостаточно развиты для того, чтобы съ успѣхомъ слѣдить за лекціями, чтобы заниматься наукою. Лакуны въ ихъ образованіи, отсутствіе иногда самыхъ элементарныхъ свѣдѣній настолько ощутительны, что хоть заводи въ университетѣ подготовительные курсы.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что жалобы на невѣжество окончившихъ полный курсъ средней школы вполне обоснованы: особенно нѣкоторыя провинціальныя гимназій выпускаютъ замѣчательно мало развитыхъ и мало знающихъ абитуриентовъ, часто даже малограмотныхъ, неумѣющихъ правильно писать по-русски, совершенно неумѣющихъ излагать свои мысли, неимѣющихъ иногда понятія о самыхъ простыхъ вещахъ, знаніе которыхъ во всемъ мірѣ отличаетъ человѣка образованнаго отъ необразованнаго.

А между тѣмъ, родители учениковъ и этихъ гимназій несомнѣнно жалуются на трудность прохожденія курса ихъ дѣтьми, на обиліе предъявляе-

мыхъ къ нимъ требованій, на трудность полученія аттестата.

Такимъ образомъ, въ гимназическомъ вопросѣ получается «заколдованный кругъ», причемъ двѣ главныхъ заинтересованныхъ въ судьбѣ учениковъ (кромѣ нихъ самихъ) стороны, т. е. родители и руководители высшихъ учебныхъ заведеній, къ которымъ гимназій должны подготовить своихъ питомцевъ, находятся на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія: одни находятъ, что учать слишкомъ много, даютъ аттестатъ со слишкомъ большимъ трудомъ, а другіе—что учать слишкомъ мало и слишкомъ легко, неосмотрительно даютъ аттестаты «зрѣлости» незрѣлымъ людямъ.

Это явленіе станетъ совершенно понятнымъ, если вспомнить, что родители стремятся, прежде всего, къ тому, чтобы дѣти ихъ получили аттестаты, достигли связанныхъ съ его полученіемъ правъ и преимуществъ, а профессора высшихъ учебныхъ заведеній къ тому, чтобы по-

лучить наилучшій составъ слушателей, могущихъ усвоить преподаваемое знаніе, сознательно отнестись къ лекціямъ, втянуться въ занятіе наукою безъ крайнихъ затрудненій.

Въ этой коллизіи частныхъ интересовъ и вождедѣній съ интересами сущности самого дѣла—интересы и цѣли государства, конечно, совпадаютъ съ интересами дѣла, т. е. въ данномъ случаѣ съ повышенными противъ дѣйствительно существующихъ познаній юношества требованиями профессоровъ: какъ-бы численно ни умножались пожеланія чадолюбивыхъ родителей относительно уменьшенія учебныхъ требованій—эти пожеланія своего характера не измѣнять и останутся пожеланіями, вызванными частнымъ, эгоистическимъ интересомъ; для государства не только не важно облегчать во что-бы то ни стало возможность полученія аттестата, но прямо необходимо обставить дѣло такъ, чтобы въ странѣ увеличивалось знаніе, безразлично къ тому, выдаются-ли такія свидѣ-

тельства или аттестаты, или нѣтъ; во всякомъ случаѣ, если выдаются свидѣтельства, для него единственно важно, чтобы они дѣйствительно свидѣтельствовали о приобрѣтенномъ знаніи, а не были-бы только формальными документами сомнительнаго свойства. Государство не имѣетъ права тратить народныя деньги на одну видимость образованія: оно должно тратить ихъ на настоящее, солидное образованіе, чувствовать, сознавать свою отвѣтственность передъ страшною за результаты своей просвѣтительной дѣятельности, не выбрасывать зря денегъ въ угоду кого-бы то ни было, хотя-бы даже и большинства непосредственно заинтересованныхъ.

Отмѣченная мною коллизія интересовъ является, по моему убѣжденію, однимъ изъ главныхъ подводныхъ камней въ колышавшемся нынѣ сердито морѣ нашей школьной неурядицы, но существуютъ, конечно, и другіе важныя недостатки въ организации среднеучебныхъ заведеній.

Школьное дѣло трудное и отвѣтственное и, какъ таковое, оно должно быть въ рукахъ опытныхъ и знающихъ педагоговъ. Къ сожалѣнію, наши педагоги-учителя часто не имѣютъ надлежащей подготовки и обыкновенно дѣлаются ими только потому, что имѣютъ соответствующій дипломъ, не питая надежды на иную карьеру или даже, иногда, просто желая избѣгнуть воинской повинности!

Только въ самыхъ рѣдкихъ, можно сказать, случаяхъ молодые люди, окончившіе университетъ, идутъ въ преподаватели по призванію, но нерѣдко они становятся ими, ясно не сознавая отвѣтственности, которую они берутъ на себя. Это, однако, не значитъ, чтобы большинство преподавателей средней школы были плохи или недобросовѣстно исполняли принятыя на себя обязанности; напротивъ, между ними попадаются прекрасные педагоги, втянувшіеся и полюбившіе свое дѣло, встрѣчаются даже нерѣдко и весьма талантливые преподаватели, прекрасно вліяющие

на учениковъ, умѣющіе заслужить общее уваженіе и пользующіеся авторитетомъ.

Остается, однако, непреложнымъ фактомъ то обстоятельство, что преподавательскую карьеру подавляющее большинство начинаетъ, будучи совершенно неподготовленными къ педагогической дѣятельности, избранной не по призванію и не по склонности къ ней. Поэтому, обыкновенно, первое время молодой преподаватель учится самъ своему дѣлу на практикѣ, втягивается въ него лишь понемногу. Эта подготовительная стадія длится нерѣдко нѣсколько лѣтъ и только послѣ этого преподаватель, если у него есть охота и способности, становится дѣйствительно педагогомъ. Овладевъ сущностью своего дѣла, педагогъ, слѣдуетъ это сказать къ его чести, увлекается имъ, и тогда наступаетъ лучший періодъ его дѣятельности; но затѣмъ, по прошествіи извѣстнаго количества лѣтъ, вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ причинъ, перечислять которыя здѣсь не

мѣсто, обыкновенно наступаетъ реакція, и прежній подъемъ замѣняется нерѣдко рутинною и безразличіемъ къ своимъ обязанностямъ, формальнымъ къ нимъ отношеніемъ.

Я, конечно, не желаю слишкомъ обобщать, зная, что между преподавателями встрѣчаются прекрасные педагоги, сохранившіе свои качества до старости, что такіе встрѣчаются, можетъ быть, чаще, чѣмъ наша публика подозрѣваетъ, но думаю, что приведенная мною схема преподавательской дѣятельности довольно близко подходитъ къ обычной дѣйствительности, въ особенности же подчеркиваю тотъ фактъ, что наши педагоги вступаютъ въ свое дѣло, почти совершенно неподготовленными, и первое время учатся ему на практикѣ, по неопытности многое портя и путая, даже при наличности наилучшихъ намѣреній и природной добросовѣстности.

Итакъ, суммируя сказанное мною выше, я утверждаю, что главные, основные недостатки, главныя при-

чины неудовлетворительнаго функционирования нашей средней школы сводятся къ тремъ пунктамъ: 1) возложеніе на школу вредныхъ для нея политическихъ функций, 2) воззрѣніе на нее, какъ на учрежденіе, предназначенное выдавать дипломы, связанные съ расширеніемъ или дарованіемъ извѣстныхъ гражданскихъ правъ и 3) отсутствіе педагогической подготовки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и достаточной авторитетности у руководителей ея. Все остальное, какъ-то: неудовлетворительность программъ, продолжительность ученія, вопросы о преимуществахъ и недостаткахъ экзаменаціонной системы и т. п. играютъ второстепенную роль, хотя и будетъ затронуто мною, по мѣрѣ надобности, въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Прежде всего, мнѣ кажется, слѣдовало-бы рѣшиться отмѣнить права, даруемые дипломомъ среднеучебныхъ заведеній или такъ называемымъ аттестатомъ зрѣлости, т. е. хотя-бы и незначительныя преимущества,

предоставляемыя этимъ документомъ при поступленіи на государственную службу, а также право поступленія въ университеты безъ экзамена и въ нѣкоторыя высшія учебныя заведенія по конкурсу аттестатовъ.

Права по воинской повинности, въ видѣ сокращенія срока службы въ войскахъ, какъ извѣстно, приурочены къ окончанію 4-хъ и 6-ти классовъ среднеучебнаго заведенія. Эти права я признавалъ-бы тоже подлежащими отмѣнѣ, такъ какъ ихъ поощрительное значеніе потеряло всякій смыслъ, съ точки же зрѣнія справедливости, требующей уравненія всѣхъ передъ закономъ, привиллегія, даруемая образованіемъ, не имѣетъ подъ собою никакой почвы.

Правильнѣе было-бы давать такую привиллегію юношамъ, прошедшимъ предварительный курсъ строевого ученія и являющимся къ отбыванію воинской повинности съ извѣстной подготовкою, непременно, однако, проверяемою при поступленіи въ войска.

Что касается права поступления въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія, то оно должно-бы пріобрѣтаться по выдержаніи экзамена (преимущественно письменнаго) въ особыхъ комиссіяхъ изъ специально назначаемыхъ лицъ; такихъ комиссій въ каждомъ учебномъ округѣ могло бы быть даже нѣсколько и должны онѣ функционировать не разъ въ году, а нѣсколько, хотя-бы два или три раза. Комиссіи эти должны экзаменовать по опредѣляемой хотя-бы на пятилѣтіе впередъ установленной программѣ, выработанной по соглашенію съ высшими учебными заведеніями, и къ экзамену въ нихъ должны допускаться всѣ желающіе, внесшіе опредѣленную плату (она не должна быть велика), безразлично окончило-ли являющееся на испытаніе лицо казенное учебное заведеніе, общественное или частное, или же подготовилось къ экзамену дома.

Само-собою разумѣется, что членамъ этихъ комиссій, состоящимъ на казенномъ жалованіи, должно быть

строжайше запрещено не только заниматься подготовкою экзаменуемыхъ, но даже рекомендовать «натаскивателей» или репетиторовъ; за такія дѣйствія они должны-бы подлежать уголовному преслѣдованію, помимо административнаго взысканія по службѣ.

Долженъ подчеркнуть, что такое перенесеніе окончательнаго экзамена (дарующаго извѣстное право подвергшемуся ему) изъ стѣнъ учебнаго заведенія достигнетъ сразу нѣсколькихъ цѣлей, на которыхъ я позволю себѣ остановить вниманіе читателей.

Во первыхъ, оно прекратитъ вѣчныя претензіи родителей на то, что школа, будто, слишкомъ обременяетъ дѣтей занятіями, и замѣнится заботою ихъ о томъ, чтобы дѣти лучше, добросовѣстнѣе учились.

Во вторыхъ, эта система явится лучшимъ конкурсомъ между собою учебныхъ заведеній, и притомъ не только казенныхъ другъ съ другомъ, но и казенныхъ съ частными и общественными.





Въ третьихъ, сдѣлаеть совершенно излишними обычныя хлопоты лицъ, учреждающихъ частныя школы, о дарованіи этимъ школамъ правъ казенныхъ, хлопоты, представляющія собою нынѣ много унижительнаго и связанныя иногда съ протекціею и даже съ злоупотребленіями.

Въ четвертыхъ, дать возможность высшимъ учебнымъ заведеніямъ не только вліять на тѣ требованія познаній, которыя ими признаются необходимыми у ихъ будущихъ слушателей, но даже прямо устанавливать эти требованія.

Но кромѣ всѣхъ этихъ важныхъ сторонъ, этими комиссіями упрощается, между прочимъ, сложный и чрезвычайно важный у насъ въ Россіи вопросъ объ «инородческой» школѣ: если признать правильность выставленнаго мною на первомъ мѣстѣ основного принципа, что школа не должна служить цѣлямъ политики, то вопросъ о томъ, какой языкъ преподаванія будетъ введенъ въ той, или иной частной или даже муници-

пальной школѣ становится безразличнымъ; правъ «инородческая» или, вѣрнѣе, иноязычная школа, какъ и русская, сама по себѣ, не дастъ, полученіе же правъ зависитъ отъ удовлетворительнаго выдержанія экзамена въ спеціальныхъ комиссіяхъ; очевидно, что дѣло иноязычной школы — готовить или не готовить своихъ питомцевъ къ этому экзамену и дѣло родителей отдавать своихъ дѣтей въ школу, подготовляющую или въ неподготовляющую къ «государственному», если такъ можно выразиться въ данномъ случаѣ, экзамену.

Главнымъ возраженіемъ противъ выдѣленія окончательнаго экзамена въ особую комиссію, не связанную съ учебнымъ заведеніемъ, всегда выставлялось опасеніе, что школы, въ виду конкурснаго для нихъ самихъ значенія этого экзамена, станутъ не учить своихъ питомцевъ, а «натаскивать» ихъ къ испытанію.

Противъ этого аргумента можно возразить, что, во первыхъ, «натаскива-

ніе» къ экзамену и теперь практикуется довольно исправно въ учебныхъ заведеніяхъ, а, во вторыхъ, многое тутъ будетъ зависѣть отъ рациональной постановки «комиссіонныхъ» экзаменовъ: если они будутъ организованы такъ, что на нихъ могутъ быть провѣрены добросовѣстно дѣйствительныя знанія абитуриентовъ, «то натаскиваніе» сведется къ снабженію ихъ въ школѣ именно нужными знаніями, что и является главною цѣлью всякаго ученія и противъ чего едва-ли кто-либо станетъ протестовать.

Въ этомъ отношеніи имѣли-бы значеніе слѣдующія правила: 1) назначать засѣданія комиссій раза три или четыре въ году, чтобы лица, чувствующія свою неподготовленность къ экзамену, снажемъ, осенью, не имѣли-бы необходимости ждаты цѣлый годъ слѣдующей сессіи, а провалившіяся осенью могли продолжать экзамены зимою или весною того-же академическаго года; 2) допускать повторныя переэкзамене-

новни, такъ что провалившійся первый разъ могъ-бы возобновлять, вновь позанявшись, свои попытки хотя-бы три или четыре раза въ томъ-же году или въ слѣдующіе года; необходимость вносить каждый разъ хотя-бы небольшую плату за право экзаменоваться послужитъ хорошимъ регуляторомъ для любителей повторныхъ попытокъ; 3) отдавать преимущество письменнымъ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ передъ устными и давать достаточно времени экзаменуемымъ. Само собою разумѣется, что выборъ членовъ комиссій долженъ быть особенно тщательнымъ и надъ ними долженъ существовать постоянный контроль, широкій и явный.

Это выдѣленіе экзаменовъ, употребляя получившій у насъ права гражданства терминъ, на «аттестатъ зрѣлости», изъ стѣнъ учебныхъ заведеній и допущеніе къ нимъ всѣхъ желающихъ, независимо отъ того, какую онъ посѣщалъ школу и даже посѣщалъ-ли онъ какую-либо школу,

явится могущественнымъ стимуломъ къ проявленію частной и общественной инициативы въ дѣлѣ основанія и развитія среднеучебныхъ заведеній, инициативы, которой я придаю особенное значеніе. Я вижу въ ней не только могущественный факторъ культурнаго развитія нашего отечества, но и главное средство для возвышенія авторитета школы, для измѣненія подозрительнаго или презрительнаго къ ней отношенія широкихъ круговъ населенія.

Когда школа придетъ въ нормальное состояніе, когда уваженіе къ ней возстановится среди населенія—тогда всегда можно будетъ вернуться къ старому способу выдачи дипломовъ самою школою, если предложенная мною система онажется почему-либо неудобною; но до тѣхъ поръ я другого исхода не видѣлъ-бы.

Въ настоящее время правительственныхъ («казенныхъ») среднеучебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Россіи, если не ошибаюсь, мужскихъ нѣсколько болѣе 400, жен-

скихъ—почти 600. Число это (точная цифра не важна, въ данномъ случаѣ), временно, до коренной реформы всей системы образованія, могло-бы быть смѣло фиксировано, т. е. можно было-бы, до поры до времени, не открывать безъ особой, ясно доказанной въ отдѣльныхъ случаяхъ, надобности, новыхъ казенныхъ гимназій и училищъ, потребность же въ среднемъ образованіи могла-бы въ это время обслуживаться городами, земствами и частными обществами и лицами. Теперь, на первое время, забота вѣдомства народнаго просвѣщенія должна-бы сосредоточиться не на распространеніи сѣти своихъ училищъ, а на приведеніи ихъ въ порядокъ, на улучшеніи существующихъ; оно должно, не только разрѣшая, но всемѣрно поощряя основаніе частныхъ гимназій, реальныхъ училищъ и т. п., стараться довести государственную школу до такого уровня, чтобы она служила образцомъ для нихъ, чтобы поступленія въ нее добивались не ради легчай-

шаго достиженія правъ, а ради того, что это, по общему сознанию, хорошая школа, современемъ даже, можетъ быть, лучшая школа.

Для этого, прежде всего, нужно послѣдовательно провести въ жизнь ограниченіе числа учениковъ въ отдѣльныхъ классахъ, доведя максимумъ ихъ до 30-ти, такъ какъ невозможность удовлетворительно вести дѣло преподаванія въ классѣ со значительнымъ числомъ учениковъ сразу составляетъ аксіому въ педагогикѣ. Необходимость такого сокращенія числа принимаемыхъ въ казенныя среднеучебныя заведенія является само собою побужденіемъ поощрять частную инициативу въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ какъ необходимо удовлетворять все болѣе развивающіяся стремленія къ просвѣщенію.

Однимъ изъ главныхъ возраженій противъ замѣны казенныхъ учебныхъ заведеній частными является недоступность послѣднихъ людямъ бѣднымъ. Я считалъ-бы вполнѣ справедливымъ, чтобы эта сторона была

принята во вниманіе, и самымъ практичнымъ было-бы учрежденіе при частныхъ гимназіяхъ и училищахъ казенныхъ стипендій, которыя должны назначаться исключительно на дѣло помощи недостаточнымъ ученикамъ, причемъ бѣдность такихъ стипендіатовъ должна быть точно устанавливаема, во избѣжаніе злоупотребленій. Эти стипендіи явились-бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшею формою субсидіи частнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Для примѣра, предположимъ, что плата въ частной гимназіи равняется, въ среднемъ, 150 р. въ годъ; министерство субсидируетъ эту гимназію въ размѣрѣ 15.000 руб., уплачивая за 100 недостаточныхъ учениковъ, воспитывающихся въ ней; назначивъ по своей смѣтѣ 1½ милліона на субсидію частнымъ учебнымъ заведеніямъ, правительство оказало-бы помощь сотнѣ частныхъ гимназій и дало-бы возможность получить даровое среднее образованіе 10.000 бѣдныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ; асси-

гновавъ 3 милліона, оно оказало-бы помощь двойному числу гимназій и учащихся, т. е. 200 школамъ и 20.000 учащихся и т. д.

При такой постановкѣ дѣла, министерство можетъ, безъ всякаго вреда для интересовъ подрастающаго поколѣнія и не задерживая поступательнаго хода народнаго просвѣщенія, установить необходимыя численныя нормы учениковъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Все вышеизложенное является, по моему убѣжденію, наиболѣе существеннымъ въ предстоящемъ дѣлѣ реформы средняго образованія. Теперь считаю нужнымъ коснуться нѣкоторыхъ частныхъ, не имѣя, однако, намѣренія трактовать вопросъ исчерпывающимъ образомъ.

Прежде всего, по моему убѣжденію, слѣдуетъ сократить въ гимназіяхъ продолжительность курса на одинъ годъ, вернувшись къ типу прежнихъ 7-миклассныхъ, вмѣсто 8-миклассныхъ гимназій: добавленный въ срединѣ 70-тыхъ годовъ ис-

теншаго столѣтія 8-й классъ не пошелъ на пользу гимназій, не прибавивъ ничего къ познаніямъ и къ развитію учениковъ, а потому слѣдуетъ признать этотъ опытъ неудавшимся. Кстати, реальныя училища имѣютъ всего 7 классовъ, большинство женскихъ гимназій тоже.

Я надѣюсь когда-нибудь, въ другомъ мѣстѣ, развитъ мысль о преимуществахъ 7-микласснаго учебнаго заведенія передъ 8-микласснымъ, а теперь, не приводя доказательствъ, ограничусь указаніемъ на то, что эта мѣра увеличить, сама по себѣ, на  $\frac{1}{3}$  или на  $12\frac{1}{2}\%$  количество юношей, имѣющихъ возможность получить среднее образованіе при наличномъ количествѣ учебныхъ заведеній, притомъ, не только не увеличивая, но даже уменьшивъ расходы на него. Уже одно это соображеніе для Россіи, столь нуждающейся въ образованныхъ людяхъ, чрезвычайно важно.

Въ первый классъ слѣдовало-бы принимать дѣтей не моложе 9 лѣтъ и не старше  $10\frac{1}{2}$ , во второй 10 и  $11\frac{1}{2}$

и т. д.; такимъ образомъ, при успѣшномъ прохожденіи курса (а идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, должно быть успѣшное прохожденіе курса, если не всѣми, то абсолютнымъ большинствомъ), нормальнымъ возрастомъ при окончаніи его былъ-бы 17-лѣтній; наиболѣе способные мальчики могли-бы кончатъ его даже къ 16-ти годамъ (какъ сплошь и рядомъ дѣлаютъ и нынѣ гимназистки).

Приемъ въ любой классъ долженъ быть свободнымъ при существованіи въ немъ вакансій (норма — 30 человѣкъ въ классѣ) по экзамену, послѣ котораго желателенъ мѣсячный испытательный періодъ въ классѣ. При этомъ, по педагогическимъ соображеніямъ, слѣдуетъ обращать строгое вниманіе на возрастную цензъ.

Оставленіе ученика на второй годъ въ классѣ должно допускаться только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ (напримѣръ, серьезная болѣзнь, семейное несчастіе и т. п.) и во время 7-милѣтняго курса не

долженъ допускаться, въ сложности, болѣе двухъ разъ, т. е. срокъ пребыванія въ среднеучебномъ заведеніи не можетъ превысить ни въ какомъ случаѣ 9 лѣтъ. Такимъ образомъ, нормальный возрастъ абитуриентовъ будетъ равняться 17 годамъ, въ исключительныхъ же случаяхъ — съ одной стороны 16-ти, съ другой — 19-ти годамъ, возрастъ же учениковъ въ одномъ классѣ будетъ колебаться не болѣе, какъ въ предѣлахъ 2—3 лѣтъ, что очень существенно въ интересахъ правильности преподаванія, а также взаимныхъ отношеній между собою товарищей.

Принимать въ гимназію слѣдуетъ всѣхъ дѣтей, удовлетворяющихъ требованіямъ учебнаго заведенія до заполненія вакансій, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданій. Частныя училища могутъ быть вѣроисповѣдными или сословными, могутъ отказывать въ приемъ, напримѣръ, евреямъ или дѣтямъ бѣдныхъ родителей (за исключеніемъ, конечно, субсидируемыхъ министерствомъ), но казен-



ныя учебныя заведенія не имѣютъ права руководствоваться при приѣмѣ никакими другими соображеніями, кромѣ полученныхъ на испытаніи отмѣтокъ, комплектомъ въ классахъ и, въ подлежащихъ случаяхъ, конкурсомъ полученныхъ на экзаменѣ балловъ.

Относительно измѣненія и исправленія программъ средне-учебныхъ заведеній я держусь того мнѣнія, что онѣ должны быть рассмотрѣны самими педагогами такимъ способомъ: по каждому проходимому въ гимназій или въ реальномъ училищѣ предмету слѣдовало-бы созвать съѣздъ преподавателей именно этого предмета, лучше всего съѣздъ делегатовъ-спеціалистовъ, избранныхъ тайнымъ голосованіемъ самихъ учителей, ихъ коллегъ, преподающихъ одинъ и тотъ-же предметъ. Такіе съѣзды могли-бы періодически повторяться, по каждому предмету, примѣрно, черезъ каждыя пять-шесть лѣтъ.

Какъ общій директивъ, слѣдовало бы установить два общихъ правила:

1) сократить до возможнаго числа преподаваемые предметы, съ тѣмъ, чтобы преподаваемое проходило серьезно и основательно, и 2) выбросить изъ преподаваемыхъ предметовъ возможно больше мелочей, несущественныхъ подробностей, затемняющихъ главное, существенное.

Первое требованіе понятно и не особенно трудно достижимо; второе, можетъ быть, стоитъ пояснить однимъ-двумя примѣрами. Возьму извѣстный болѣе или менѣе всякому образованному человѣку предметъ—географію. Отчетливое понятіе о картѣ, о глобусѣ, о частяхъ свѣта и т. п. обязательно, и этому должно быть посвящено достаточно времени, но при изученіи отдѣльныхъ частей свѣта дозволено пропустить много подробностей; такъ, Балтійское море и Финскій заливъ, конечно, обязательно знать, но зазубривать названія Категата, Скагерата и Зунда абсолютно не нужно; Атлантическій океанъ ребенокъ долженъ, конечно, запомнить, такъ-же какъ Средиземное море, но

Гасконскій заливъ, Генуезскій заливъ, Тирренское море дозволено до поры до времени и не знать. При изученіи политической географіи обязательно знать во Франціи Парижъ, Бордо, Марсель и Ліонъ, но Руанъ, Гавръ и т. д. можно и не знать; рѣки Амуръ и Уссури нужно знать, но вполне возможно обойтись безъ знакомства съ Шилкою и Аргунью; Рейнъ и Вислу слѣдуетъ помнить, но про Одеръ дозволено узнать не на урокъ географіи.

При прохожденіи курса исторіи не слѣдуетъ обременять памяти именами Псамменитовъ, Псаметиховъ, Нехао, но нужно дать живой очеркъ исторіи и быта древняго Египта; не слѣдуетъ вдабливать имена сыновей Владиміра Мономаха, перечислять Мстиславовъ и Олеговъ, но необходимо дать характеристику удѣльно-вѣчевого періода въ живомъ изложеніи. Точно также и хронологическія даты должны быть сведены къ отчетливому знанію столѣтій съ двумя-тремя опредѣленными годами наибо-

лѣе выдающихся событій на каждое столѣтіе, долженствующихъ служить какъ-бы вѣхами для памяти.

При изученіи ариеметики слѣдуетъ избѣгать чрезмѣрно назусныхъ задачъ, рассчитанныхъ на уловленіе учащагося или на развитіе его остроумія, но мало полезныхъ для познанія математики.

Все мною сказанное не претендуетъ на разборъ или на критику существующихъ программъ преподаваемыхъ въ школъ предметовъ, а приведено мною только для поясненія моей мысли о необходимости раціональнаго ихъ пересмотра, чѣмъ должны-бы заняться упомянутыя мною комиссіи делегатовъ отъ специалистовъ-преподавателей.

Эти-же комиссіи должны-бы заняться выработкою нормальныхъ учебниковъ, установленіемъ конкурсовъ на ихъ изготовленіе и премированіемъ наилучшихъ учебниковъ: какъ извѣстно, частая замѣна учебниковъ другими, въ зависимости отъ взглядовъ отдѣльныхъ преподавате-

лей, составляет нынѣ ошутительное зло и ведетъ къ различнымъ злоупотребленіямъ.

Относительно перевода изъ класса въ классъ по экзаменамъ или по годовымъ отмѣткамъ я оставляю вопросъ открытымъ, такъ какъ противъ экзаменовъ можно сказать почти столько-же, сколько за нихъ (конечно, при рациональной ихъ постановкѣ), но лично предпочелъ-бы систему репетицій два раза въ году по всѣмъ предметамъ и полный экзамень только при окончаніи курса гимназій или училища.

Провѣрка знаній должна происходить постоянно, на каждомъ урокъ, точно такъ-же, какъ и самое обученіе, т. е. изложеніе преподавателемъ того, что требуется знать ученикамъ.

Вдаваться во всѣ подробности я, конечно, не стану, тѣмъ болѣе, что здѣсь вторгаюсь въ ту область, которая должна быть предоставлена самимъ педагогамъ. О нихъ, т. е. о преподавателяхъ я позволю себѣ сказать еще два слова.

Какъ я указалъ выше, у насъ въ преподаватели идутъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не по призванію, не по вкусу даже къ педагогической дѣятельности, а случайно или по нуждѣ, и учатся своему дѣлу, будучи уже полноправными преподавателями.

Бороться съ этимъ несомнѣннымъ зломъ можно отчасти учрежденіемъ особыхъ хорошо обставленныхъ институтовъ (непохожихъ на существующіе историко-филологическій инст. въ Петербургѣ и Нѣжинскій лицей), какъ предлагалъ покойный Менделѣевъ въ запискѣ, изданной въ 1906 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія, главнымъ же образомъ установленіемъ особаго государственнаго экзамена на полученіе права быть преподавателемъ, о чемъ я буду говорить по поводу желательной реформы высшихъ учебныхъ заведеній. Но затѣмъ необходимо ввести для преподавателей извѣстный стажъ, хотя-бы двухлѣтній или трехлѣтній, втеченіе котораго они числились-бы

только кандидатами на учительскую должность и находились под наблюдением и руководством как директора учебного заведения, так и особых инспекторов из опытных педагогов. Отъ подробностей я тутъ воздерживаюсь \*).

Для того, чтобы сдѣлать педагогическую дѣятельность болѣе привлекательною, слѣдуетъ непременно улучшить содержаніе и пенсіи преподавателей, сократить сроки выслуги послѣдней и установить процентныя прибавки за каждое пятилѣтіе какъ по жалованью, такъ и по пенсіи.

---

\*) Такой стажъ долженъ былъ-бы быть обязательнымъ для преподавателей правительственныхъ школъ. Частныя учебныя заведения могли-бы приглашать къ себѣ преподавателей и безъ этого предварительнаго искуса. Въ свою очередь, министерство могло-бы засчитывать дѣятельность учителей въ частныхъ школахъ за стажъ, если они пользовались тамъ хорошою репутациею и доказали свои педагогическія способности. Государственная школа должна быть такъ поставлена, чтобы каждому лестно было перейти въ нее на службу изъ частнаго училища.

Мнѣ кажется, что оплата годового часа должна-бы быть доведена до 120 р., причемъ ни одинъ преподаватель не долженъ-бы имѣть менѣе 10 годовыхъ часовъ и не болѣе 20-ти. Оплата годового часа въ 120 р. должна-бы быть первоначальною; черезъ 5 лѣтъ она должна-бы равняться уже 132 р., черезъ 10 лѣтъ—144 р. и т. д.; послѣ 25 лѣтъ службы годовой часъ могъ-бы оплачиваться примѣрно, 190 или 200 р. Пенсіи должны-бы назначаться уже за 10-тилѣтнюю службу, увеличиваясь за каждое пятилѣтіе, примѣрно такъ: за 10 лѣтъ—700 р., за 15—800, за 20—900, за 25 л.—1000, за 30 лѣтъ и болѣе 1200 р.; семейнымъ слѣдовало-бы увеличивать оклады пенсіи, не ожидая «ходатайствъ», по особой табели \*).

---

\*) Женатому, по бездѣтному, можно-бы увеличивать окладъ пенсіи на 20%; на каждаго ребенка по 10%, но съ тѣмъ, чтобы общее увеличеніе пенсіи не превышало 50 или 60% оклада.

Однимъ словомъ, преподавательская служба должна-бы считаться привилегированною.

Какъ извѣстно, всѣ стремятся служить въ столицахъ, и охотниковъ занимать мѣста въ провинціи часто трудно даже найти; поэтому, слѣдовало-бы нѣсколько увеличить оклады провинціальнымъ педагогамъ, назначивъ, на примѣръ, 140 р. вмѣсто 120 р. за годовую часть, а также процентовъ на 10 увеличить пенсіи. На дальнихъ окраинахъ довести плату годового часа до 150 или 160 р. Всѣ эти цифры, конечно, примѣрныя и приведены мною только для поясненія моей мысли.

Слѣдуетъ правительству только помнить, что желая улучшить свою школу, не приходится проявлять излишней бережливости въ этомъ важномъ дѣлѣ и отнюдь не скупиться.

Входить во всѣ подробности желательной реформы средней школы я здѣсь не стану, въ предположеніи, что читателю, въ общемъ, ясно мое мнѣніе о томъ, въ какомъ направленіи слѣдовало-бы дѣйствовать.

Обыкновенно вопросъ о реформѣ средней школы сводится къ спору о преимуществахъ того или другого типа общаго образованія, въ частности къ спору о преимуществахъ реального образованія передъ гуманитарнымъ, классическимъ, и наоборотъ, къ разсужденіямъ о желательности большаго подчиненія школы практическимъ цѣлямъ жизни и даже объ изобрѣтеніи какой-то національной, специфически-русской системы.

Именно эти разсужденія мнѣ кажутся въ настоящее время праздными и даже опасными для успѣха самой реформы, затемняя коренной вопросъ о необходимости повысить авторитетъ школы, превратить ее изъ критикуемаго и даже нерѣдко презираемаго учрежденія въ дорогое для всѣхъ и уважаемое.

Основнымъ типомъ западно-европейской школы доселѣ и въ теченіе многихъ вѣновъ является гуманитарная, классическая, и это не смотря на различіе въ условіяхъ жизни и націо-

нального характера нѣмца и француза, англичанина и итальянца, испанца и чеха.

Противъ этого типа спорятъ многіе и на Западѣ, и тамъ вводятъ новые типы реальныхъ и иныхъ гимназій, лицеевъ, колледжей, болѣе или менѣе усовершенствованныхъ ремесленныхъ, профессиональныхъ школъ, находя, вполне справедливо, много недостатковъ и внутреннихъ противорѣчій въ первоначальномъ типѣ.

И всетани, однообразіе, въ общихъ чертахъ, принциповъ «гуманитарной» школы, съ одной стороны, не помѣшало ей достигнуть блестящихъ результатовъ во всей Европѣ, а съ другой, не сгладило различій въ национальныхъ характерахъ, сыгравъ, однако, важную роль въ дѣлѣ обобщенія европейской и даже міровой культуры. Устарѣлость системы и многіе ея недостатки не подлежатъ сомнѣнію, а потому вѣра въ чудодѣйственность этой школы, особенно послѣ печальной памяти «толстовской» реформы, долж-

на быть отринута \*), но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ серьезно предостеречь отъ вѣры въ чудодѣйственность какихъ-бы то ни было иныхъ, особенно цѣликомъ придуманныхъ, не испытанныхъ системъ. Въ частности, опасны призывы, сами по себѣ весьма почтенные по мотивамъ и чувствамъ, доморощенныхъ пророковъ къ полной самобытности русской школы, къ тому, чтобы она не была похожа на европейскую, а только на самую себя: такъ недолго уподобиться и китайцамъ, въ значительной степени, впрочемъ, извѣрившимся нынѣ въ плодотворность своей самобытной школы и

\*) Когда-нибудь, впрочемъ, всѣмъ станетъ ясно, что не сама «Толстовская» гимназія была столь плоха, сколько фальшива цѣль ея насажденія, самый способъ ея введенія; скверно было не то, что обязали всѣхъ дѣтей учиться греческому и латинскому и перестали преподавать «законовѣдѣніе», а то, какъ это было проведено и для чего, а также что, вливая новое (для Россіи) вино въ старые мѣха, правительство думало достигнуть чего-то положительнаго. Введеніе института земскихъ начальниковъ имѣло, по духу, много общаго съ «толстовскою» гимназією.



изучающихъ теперь ту-же европейскую науку.

Съ другой стороны, нѣтъ никакой нужды государству ограничивать себя однимъ какимъ-либо типомъ среднеобразовательнаго учебнаго заведенія; напротивъ, разнообразіе типовъ даже желательно; но желательно также, чтобы существовало хотя-бы два, много три (какъ напр. въ Германіи) нормальныхъ типа, по крайней мѣрѣ, для большинства правительственныхъ среднеучебныхъ заведеній; въ частности такіе типы, которые удовлетворяли-бы требованіямъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ основная функція средней школы—подготовить къ высшей слушателей.

Пусть эти типы будутъ выработаны даже не немедленно, а исподволь, совмѣстными трудами педагоговъ средней школы и профессорами высшей, но въ настоящую минуту споръ не о томъ, лучше ли воспитывать дѣтей преимущественно на латинскихъ упражненіяхъ, или на рѣшеніи математиче-

скихъ задачъ, что само по себѣ не такъ важно, какъ кажется съ перваго взгляда: важно вывести школу изъ ямы, въ которую она попала, избавить ее отъ задачъ, которыхъ она не должна преслѣдовать, и возложить на нее единственную важную задачу—дать образование и развить, воспитать подрастающее поколѣніе.

Я не затронулъ вопроса о совмѣстномъ обученіи молодежи обоего пола и не стану на немъ останавливаться, такъ какъ пока реформа образованія могла-бы произойти, и незатрагивая этого вопроса. Я лично рѣшительный сторонникъ такого совмѣстнаго образованія, считая его, впрочемъ, полезнѣе для мальчиковъ, чѣмъ для дѣвочекъ. Можно было-бы, хотя-бы въ видѣ опыта, предоставить нѣсколько казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеній для совмѣстнаго обученія, до окончательнаго рѣшенія этого важнаго вопроса. Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовало-бы немедленно разрѣшить, въ случаѣ

желанія учредителей, такое совмѣстное обученіе, въ зависимости отъ воли родителей и возрѣнія на вопросъ педагоговъ каждаго даннаго учебнаго заведенія: будущность покажетъ, насколько совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ соотвѣтствуетъ нашимъ нравамъ и потребностямъ, особенно если опыты будутъ произведены смѣло, въ широкихъ размѣрахъ, бояться чего отнюдь не слѣдуетъ.



## III

## ВЫСШАЯ ШКОЛА.

Реформа высшаго образованія не представляетъ тѣхъ затрудненій, какъ реформа средняго, съ одной стороны, потому, что направленіе, въ которомъ она должна быть произведена, болѣе или менѣе выяснена, а съ другой—потому, что высшія учебныя заведенія находятся въ непосредственной зависимости отъ того матеріала, которымъ, въ видѣ абитуриентовъ, снабжаетъ ихъ средняя школа.

Вопросъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ строѣ высшей школы весьма добросовѣстно и, въ общемъ, удовлетворительно разработанъ еще въ началѣ 1906 г. двумя профессорскими комиссіями, созывавшимися министерствомъ народнаго просвѣщенія и состоявшими изъ Ректоровъ, Директоровъ и избранныхъ спеціально въ эти комиссіи факультетами и отдѣленіями профессоровъ.

Считаю излишнимъ и даже мало интереснымъ для широкой публики излагать здѣсь выработанныя совѣщаніями подробности желательной реформы; упомяну только, что проекты касаются болѣе точнаго опредѣленія понятія автономіи высшей школы и внутреннихъ ея распоряженій.

Для читателя важно, однако, знать, что подавляющее большинство членовъ совѣщаній высказалось за необходимость увеличенія средствъ, отпускаемыхъ изъ казны на высшія учебныя заведенія, а также за то, чтобы окончивающіе въ нихъ курсъ

не получали правъ государственной службы на основаніи своихъ дипломовъ; иными словами, чтобы такъ называемые «государственные» экзамены были совершенно выдѣлены изъ учебныхъ заведеній и права государственной службы приобрѣтались тѣмъ или инымъ, имѣющимъ быть выработаннымъ заинтересованными вѣдомствами способомъ, причемъ, еслибъ было признано нужнымъ образовать какія-либо экзаменаціонныя для этой цѣли комиссіи, то чтобы онѣ не имѣли никакой непосредственной связи съ учебными заведеніями, функционируя внѣ ихъ и помимо нихъ.

Экзамены въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должны тогда имѣть значеніе, съ одной стороны, чисто нравственное, личное для питомцевъ высшей школы, а съ другой обслуживать интересы самой высшей школы, науки, открывая для выдержавшихъ ихъ возможность ученой карьеры.

Такимъ образомъ, свободно избранные своими коллегами представители россійской профессуры подчеркну-

ли желательность того, чтобы высшія учебныя заведенія не столько обслуживали прантическія цѣли, сколько были разсадниками знанія, ради него самого, и культивировали науку, двигая ее впередъ; иными словами, чтобы они служили идеальнымъ цѣлямъ, а не прантическимъ, карьернымъ.

Съ моей точки зрѣнія, нельзя не привѣтствовать этого отношенія къ затронутому вопросу представителей высшихъ учебныхъ заведеній, и мало того, что желательно, а прямо необходимо, чтобы правительство присодинилось къ этому воззрѣнію, совершенно отбросивъ царствовавшій доселѣ въ его средѣ взглядъ на университеты и другія высшія школы, какъ на фабрики для изготовленія нужныхъ ему чиновниковъ.

Что безкорыстное, безъ мысли о карьерѣ стремленіе къ высшему образованію, къ знанію существуетъ у насъ въ Россіи и будетъ существовать — лучшимъ доказательствомъ служить приливъ на разные «воль-

ные» курсы, переполненіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, часто никакихъ правъ не дающихъ, или дающихъ такія незначительныя добавочныя права, которыя едва-ли соответствують затраченнымъ на прохожденіе научныхъ курсовъ усиліямъ и жертвамъ, иногда почти непосильнымъ.

Итакъ, въ принципѣ высшія учебныя заведенія должны имѣть цѣлью, во первыхъ, докончить образованіе молодыхъ людей, поступающихъ въ нихъ съ уровнемъ развитія, даннаго имъ среднею школою, во вторыхъ, подготовить извѣстный контингентъ ученыхъ специалистовъ, и въ третьихъ, въ лицѣ своихъ профессоровъ, заботиться о развитіи науки въ Россіи.

Таковъ основной принципъ, который, однако, не можетъ и не долженъ даже быть проводимъ во всѣхъ случаяхъ съ одинаковою строгостью, это во первыхъ, а во вторыхъ, нѣкоторыя научныя дисциплины, извѣстныя категоріи знаній имѣютъ такое непосредственное приложеніе къ

практической жизни, что большее или меньшее приспособленіе ихъ къ реальнымъ потребностямъ вполнѣ естественно и даже желательно.

Изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній къ указанному основному принципу, конечно, ближе всего будутъ всегда стоять университетъ, дальше всего уклоняться отъ него, естественнымъ образомъ, будутъ нѣкоторые техническіе институты.

Но и въ самомъ университетѣ не всѣ факультеты будутъ одинаково далеко или близко стоять къ узко-практическимъ интересамъ.

Филологи, математики и естествоиспытатели, по самому характеру тѣхъ цикловъ научныхъ дисциплинъ, изученіе которыхъ они избрали, будутъ естественно дальше всего стоять отъ утилитарныхъ цѣлей, такъ какъ единственная, въ сущности, практическая карьера, для нихъ предуказанная—учительство—самымъ тѣснымъ образомъ связана съ основными цѣлями университета — учить (другихъ) и учиться (самому).

Юристы уже ближе стоятъ къ утилитарнымъ цѣлямъ и, если должны изучать такія отвлеченныя (въ практическомъ отношеніи) науки, какъ философію, энциклопедію правъ, исторію различныхъ юридическихъ наукъ, то изучаютъ тоже уголовное и гражданское судопроизводство, торговѣдѣніе и многія другія дисциплины, имѣющія почти чисто практическое значеніе, представляющія даже для нихъ большее значеніе въ ихъ будущей карьерѣ, въ качествѣ судей и адвокатовъ, чѣмъ болѣе строго-научные предметы.

Можетъ быть, еще ближе къ практическимъ потребностямъ жизненной карьеры, по необходимости, стоитъ курсъ наукъ, читаемый медикамъ (на медицинскомъ факультетѣ чисто-научный циклъ знаній почти совпадаетъ съ дисциплинами, изучаемыми на естественномъ факультетѣ).

Естественно и по необходимости, совсемъ близко къ практической жизни, приближаясь даже къ узко-служебной по отношенію къ ней роли, сто-

ятъ высшія техническія учебныя заведенія, но и они, подъ страхомъ стать простыми высшими ремесленными школами, должны были ввести и дѣйствительно ввели въ свои курсы рядъ дисциплинъ чисто-научнаго характера, неимѣющихъ часто непосредственнаго приложенія въ будущей дѣятельности техниковъ, нажимающія сплошь и рядомъ широкимъ кругамъ публики, а иногда и самимъ даже техникамъ, загроможденіемъ проходимаго курса, вредящимъ усвоенію свѣдѣній, необходимыхъ въ практической жизни.

Въ томъ-то и дѣло, что теорія и практика двѣ вещи разныя, говоря по-просту, и что нужно различать научно-теоретическую школу отъ школы утилитарно-практической. И та, и другая нужны культурной странѣ, но смѣшивать ихъ не слѣдуетъ: если простой десятникъ сплошь и рядомъ сложить несравненно лучше стѣну, чѣмъ ученѣйшій архитекторъ, если практикъ-машинистъ точнѣе знаетъ свою машину, чѣмъ об-

разованный технологъ, то это не значитъ, что высшія учебныя заведенія не учили тому, что нужно, а подтверждаетъ только испытанную истину, что никакая теорія не можетъ замѣнить собою практику. Оттого-то высшія спеціальныя (техническія) учебныя заведенія, хотя и посвящаютъ много времени и силъ изученію теоріи наукъ, въ тѣсномъ смыслѣ, но, дѣлая это меньше, чѣмъ университеты, т. е. высшая «гуманитарная» школа, всегда посылаютъ своихъ питомцевъ, ранѣе выдачи диплома, «на практику», для того, чтобы они изучили то «ремесло», которымъ имъ придется руководить въ практической жизни, и чтобы дипломъ техника гарантировалъ публикѣ возможность, безъ особаго риска, пользоваться услугами удостоеннаго этимъ свидѣтельствомъ. Тотъ-же принципъ предварительной практики требуется передъ выдачею диплома и наиболѣе «утилитарнымъ» изъ университетскихъ факультетовъ—медицинскимъ, когда условіемъ полученія званія лѣ-



наря, дающаго право врачебной практики, ставится наличность клиническихъ занятій, иначе говоря, извѣстнаго практическаго опыта.

Не вдаваясь въ подробности, можно сказать, что требованія, предъявляемыя специалисту-практику, нѣсколько иные, чѣмъ предъявляемыя специалисту-теоретику, ученому, или даже просто научно образованному человеку.

Этотъ фактъ и даетъ возможность установить различіе между экзаменомъ на право практиковать и экзаменомъ научнымъ, имѣющимъ цѣлью доказать усвоеніе извѣстнаго комплекса теоретическихъ знаній; второй, прежде всего, удовлетворяетъ нравственное чувство, присущее большинству образованныхъ людей, самолюбивое, если хотите, сознание, что его «образованность», умственное развитіе, официально признаны компетентными судьями. Выдержаніе испытанія, дающаго извѣстныя практическія или служебныя права, конечно, тоже будетъ весьма при-

ятно подвергающемуся ему, но цѣль его совершенно иная и преслѣдуетъ не столько интересы самого испытываемаго, сколько интересы третьихъ лицъ: дипломъ, выдаваемый на основаніи результатовъ такого экзамена, гарантируетъ лицъ, которыя будутъ имѣть съ обладателемъ его дѣло по его специальности, относительно того, что онъ будетъ имъ полезенъ своими знаніями, не повредитъ, по невѣжеству, имъ лично или ихъ интересамъ.

Такимъ образомъ, отмежеваніе «практическаго» экзамена отъ теоретическаго не только вполне возможно, но, по признанію самихъ профессоровъ, и желательно. Къ вопросу о «практическомъ» экзаменѣ я вернусь въ дальнѣйшемъ изложеніи, а теперь скажу нѣсколько словъ о задачахъ и организациіи высшихъ учебныхъ заведеній и на первомъ мѣстѣ университета, какъ основнаго, нормальнаго, по моему убѣжденію, типа высшей школы. ~

Задача университета, какъ и всякой

высшей школы, достойной этого названия, состоитъ, прежде всего, въ культивированіи науки, причемъ исполнителями этой задачи являются какъ отдѣльные профессора, такъ и профессорская коллегія сообща. Этимъ опредѣляется самый составъ коллегіи, какъ собранія специалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія, ученыхъ, т. е. людей, не только стоящихъ на современномъ уровнѣ знанія, но и способныхъ «двигать» его, т. е. производить дальнѣйшія изысканія, каждый въ области своей специальности, а при наличии соответственнаго дарованія, могущихъ дѣлать въ ней открытія. Въ этомъ отношеніи профессорскія коллегіи являются какъ-бы цвѣтомъ своей націи, синтезомъ ея умственныхъ способностей.

Въ тѣснѣйшей связи съ научными функціями профессорскихъ коллегій является забота о преемственности знанія, о томъ, чтобы со смертію или съ уходомъ на покой представителя той или другой научной отрасли развитіе ея не прерывалось; иными сло-

вами, профессора должны заботиться о своевременной подготовкѣ себѣ замѣстителей. Это можетъ быть достигнуто лишь однимъ способомъ—передачей другому своего знанія и заботою о доставленіи возможности этому лицу, или этимъ лицамъ, ученикамъ, приобрести достаточно большую сумму научныхъ познаній по данной специальности.

Въ этихъ двухъ функціяхъ—занятіи наукою и подготовкѣ будущихъ профессоровъ—заключается и ими исчерпывается характеристика университета и всякаго института, ему приравниваемаго, какъ ученаго учрежденія.

Я счелъ нужнымъ остановить вниманіе читателей на этой сторонѣ университетскаго вопроса, такъ какъ наша публика, да и не одна публика (употребляя это слово въ значеніи стоящей внѣ среды академическихъ интересовъ образованной толпы), слишкомъ часто забываетъ, что университетъ не только учебное, но и ученое учрежденіе, а между тѣмъ,

именно эта особенность владеть печатью на весь его строй.

Но, съ одной стороны, для избранія себѣ преемниковъ профессорамъ надо имѣть извѣстное количество учениковъ, чтобы было изъ него выбирать, а съ другой—народъ, стремящійся къ культурѣ и воспримчивый къ ней, долженъ выдѣлять изъ своей среды значительное количество людей, стремящихся къ научному знанію; это стремленіе совпадаетъ съ интересами страны, государства, и вотъ почему къ первоначальнымъ чисто-«академическимъ» функціямъ ученой коллегіи прибавляется еще практическая функція, т. е. учебная. И дѣйствительно, у кого-же иснать желающимъ научнаго знанія, какъ не у членовъ авторитетной ученой коллегіи?

Такимъ образомъ, въ университетѣ и во всякомъ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи вопросъ воспитанія, строго говоря, совершенно отпадаетъ, а одна сторона — профессора — доцентируетъ, сообщаетъ знаніе, а другая — студенты—приходятъ туда исключи-

тельно для того, чтобы получить это знаніе, расширить свой умственный кругозоръ.

Наука является и цѣлью, и средствомъ для обѣихъ сторонъ, и все превходящее, не относящееся къ наукѣ, можетъ только мѣшать важному и нужному («академическому») дѣлу. Поэтому по существу правы профессора, которые отрещиваются отъ навязываемыхъ имъ полицейско-административныхъ и воспитательныхъ, въ политическомъ отношеніи, функцій, но правы и люди, которые возмущаются тѣмъ, что политическія партіи сдѣлали высшую школу главнымъ почти орудіемъ своей дѣятельности, ибо ни то, ни другое ничего общаго съ наукою не имѣетъ и несомнѣнно мѣшаетъ заниматься ею, т. е. вредитъ самому университетскому дѣлу.

Есть профессора, и ихъ даже много, которые, въ естественномъ желаніи стряхнуть съ себя все, не относящееся къ наукѣ и къ ея преподаванію, указываютъ на необходи-

мость поставить ихъ, профессоровъ, въ такое положеніе, чтобы они не считались правительственными чиновниками, т. е. не давать имъ ни чиновъ, ни орденовъ, не предоставлять имъ права ношенія мундира; мнѣ пришлось говорить съ такими, которые даже находили нужнымъ прекращеніе права на пенсіи изъ Государственного казначейства, лишь-бы профессора были исключены изъ табели о рангахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перестали числиться на службѣ правительства, а не только у одной науки.

Я долженъ здѣсь напомнить, что идеи эти не новы и не возникли подъ влияніемъ «освободительнаго движенія», а высказывались въ весьма опредѣленной и даже рѣзкой формѣ нѣкъмъ инымъ, какъ знаменитымъ Пироговымъ.

Все это по существу вѣрно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, является одно существенное возраженіе, котораго обойти невозможно. Дѣло въ томъ, что университеты и почти всѣ остальные высшія учебныя заведенія основаны, взде-

лѣяны и нынѣ существуютъ заботами и на средства правительства, притомъ того-же самаго правительства, которое преемственно существуетъ до нашихъ дней. Именно благодаря этому обстоятельству, что основанныя и содержимыя казною учено-учебныя заведенія фактически продолжаютъ быть, какъ и всегда были, несомнѣнно казенными учрежденіями, всѣ протесты противъ «казеннаго» образа администрированія ихъ, противъ вмѣшательства администраціи въ управленіе ими, противъ навязыванія профессорамъ (получающимъ жалованье отъ правительства, обеспечивающаго ихъ къ тому-же пенсіями) «чиновническихъ» функцій должно фатально вести къ недоразумѣніямъ и даже къ рѣзкимъ столкновеніямъ.

И эти недоразумѣнія, въ большей или меньшей степени, всегда существовали, чуть-ли не съ самого основанія университетовъ, принимая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе рѣзкія формы, вплоть до подготовленій университетамъ вооруженныхъ

возстаній включительно, до торжественнаго объявленія правительственныхъ учебныхъ заведеній главными центрами борьбы съ правительствомъ, ихъ содержащимъ.

Надо сознаться, что уклониться дальше отъ прямой цѣли существованія учрежденія трудновато, и понятны почти спазмодическія усилія правительства подавить студенческое движеніе, къ которому присоединялись многіе профессора, хотя и не явно, а подъ сурдинку, прикрывая свое содѣйствіе движенію формальною корректностью.

Однако, никакія мѣры фантически не помогаютъ, и борьба правительства со своими собственными созданіями принимаетъ даже траги-комическій оттѣнокъ: всякая задуманная и проведенная затѣмъ мѣра повертывается тотчасъ противъ самого правительства, не принося притомъ никакой пользы высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Очевидно, правительство не въ состояніи удовлетворительно справиться со своими разыгравшимися дѣ-

тищами, и исторія за сто лѣтъ его усилій уже успѣла выдать ему въ этомъ дѣлѣ торжественное *testimonium paupertatis*.

Хотя студенческіе или, вѣрнѣе, академическіе (такъ какъ въ нихъ играютъ роль и принимаютъ нѣкоторое участіе не одни студенты, но и профессора) беспорядки и не имѣютъ прямого отношенія къ учено-учебной роли университетовъ и институтовъ, но они столь тѣсно, если дозволено такъ выразиться, прилипли къ нимъ, настолько органически связались съ ними, что обойти ихъ молчаніемъ, разбирая вопросъ о реформѣ высшихъ учебныхъ заведеній, оказалось невозможнымъ.

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ патологическимъ общественнымъ явленіемъ, причемъ должны признать хроническій и даже конституціональный, а не острый характеръ болѣзни, съ временными, какъ это всегда бываетъ, обостреніями, въ зависимости отъ внѣшнихъ, большею частью, вліяній.

Основной диагноз болѣзни данъ давно и вѣрно: отзывчивость крайне нервной молодежи къ прогрессивнымъ теченіямъ въ странѣ, соединенная съ быстрымъ реагированіемъ противъ всякой несправедливости, дѣйствительной или даже просто кажущейся. Если къ этому прибавить жуткое наслажденіе въ сознаніи постоянной опасности отъ исповѣданія антиправительственныхъ убѣжденій, честолюбивое желаніе быть въ числѣ передовыхъ бойцовъ за свободу и права обдѣленныхъ, то получается самая благодарная почва для пропагандированія самыхъ крайнихъ и даже утопическихъ ученій всякихъ воинствующихъ политическихъ партій.

Профессора, говоря вообще, какъ и слѣдовало а priori ожидать, спокойнѣе студентовъ и не такъ легко увлекаются; есть и было между ними всегда довольно значительное количество отдѣльныхъ лицъ, прямо враждебныхъ студенческому движенію, но есть и горячо сочувствующіе ему,

нѣкоторые, менѣе уравновѣшенные,— по искреннему убѣжденію, другіе— изъ опасенія показаться отсталыми или изъ-за стремленія къ дешевой иногда популярности.

Профессорская корпорація, въ общемъ, была-бы искренно рада прекращенію неурядицы и возвращенію учебныхъ заведеній въ тихое лоно науки, но фактически безсильна что-либо сдѣлать въ этомъ направленіи, пока сами студенты не пожелаютъ ей помочь, вынеся свою политическую дѣятельность за стѣны *almae matris* или же, что мало вѣроятно, сокративъ ее въ очень значительной степени.

Итакъ, опытъ правительственнаго строительства въ дѣлѣ научнаго просвѣщенія слѣдуетъ считать съ внѣшней, по крайней мѣрѣ, стороны неудачнымъ, а всѣ попытки «своими средствами» поправить дѣло не приведшими къ желанной цѣли. Какъ же быть?

Наиболѣе радикальнымъ и, можетъ быть, лучшимъ средствомъ была-бы рѣшимость правительства



отказаться от непосильной задачи и... обратить казенныя высшія учебныя заведенія въ частныя, но, вслѣдствіе важности для страны научнаго образованія, субсидируемыя на извѣстныхъ условіяхъ. Такая мѣра соотвѣтствовала - бы высказываемому стремленію къ полной независимости высшей школы отъ администраціи и желанію профессоровъ перестать быть чиновниками.

Будучи убѣжденъ, что къ такому радикальному рѣшенію вопроса у насъ долго не рѣшатся прибѣгнуть, я воздерживаюсь отъ подробной мотивировки и развитія этой мысли, и ограничусь только замѣчаніемъ, что правительственная субсидія должна - бы заключаться въ дотации извѣстнаго количества опредѣленныхъ каеедръ.

Но, и не переходя къ такой опредѣленной мѣрѣ, приходится имѣть въ виду, что высшихъ учебныхъ заведеній у насъ и теперь не хватаетъ для удовлетворенія потребности въ высшемъ образованіи и что въ ближайшемъ будущемъ придется, такъ или

иначе, позаботиться объ основаніи новыхъ университетовъ, политехникумовъ и т. д. Вотъ тутъ было-бы, мнѣ кажется, осторожнѣе правительству не брать на себя инициативы, а только поддержать общественный и частный починъ, который несомнѣнно началъ проявляться въ этой области и долженъ быть, въ интересахъ населенія и самого Государства, поощряемъ.

Главное затрудненіе (о финансовыхъ я не говорю, такъ какъ деньги, и большія, должны быть ассигнованы на народное образованіе вообще) будетъ заключаться въ поразительной бѣдности ученыхъ силъ, недостатокъ которыхъ такъ великъ уже и теперь, что не удастся замѣстить и наличныхъ каеедръ за отсутствіемъ соответствующихъ кандидатовъ. Дѣло это очень серьезное и, если положеніе не измѣнится, мы рискуемъ оказаться передъ необходимостью выписывать профессоровъ изъ-за границы!

Помимо желательнаго оборудованія большого педагогическаго института для подготовки преподавателей и про-

фессоровъ по проекту покойнаго Д. И. Менделѣева, о которомъ я говорилъ по поводу учительскаго персонала средней школы, нужно, не теряя времени, организовать это дѣло при университетахъ, поставивъ вопросъ объ «оставленіи при университетѣ»! (для подготовки къ занятію кафедръ) на возможно рациональнѣйшую почву. Мнѣ кажется, что слѣдовало-бы учредить побольше крупныхъ стипендій, примѣрно въ 1800—2100 рублей, такъ, чтобы готовящійся къ профессурѣ не нуждался въ дополнительномъ заработкѣ, но обусловить ихъ назначеніе обязательствомъ отслужить известное количество лѣтъ въ качествѣ профессора или лектора; при неисполненіи этого условія, стипендію слѣдовало-бы взыскивать всѣми доступными мѣрами обратно (въ случаѣ поступленія на государственную или общественную службу, вычетами изъ жалованья, хотя-бы до  $\frac{1}{2}$  оклада, или даже судомъ).

Какъ организовать это дѣло, работа правилъ, очереди назначенія

стипендій по кафедрамъ и т. п.—объ этомъ должны-бы позаботиться профессорскія коллегии.

Упомянувъ о стипендіяхъ, я вообще долженъ сказать, что считалъ-бы вполне справедливымъ и целесообразнымъ установить общее правило, по которому всѣ разновидности ихъ, кромѣ такихъ частныхъ, безвозвратность которыхъ оговорена жертвователями, рассматривались-бы, какъ ссуды, и подлежали-бы, при первой возможности, возврату.

Относительно правъ, даруемыхъ окончаніемъ курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, было говорено выше: ни служебныхъ, ни практическихъ, ни даже по воинской повинности академическій аттестатъ давать самъ по себѣ не долженъ, но такъ какъ нормальнымъ возрастомъ для окончанія курса средняго учебнаго заведенія нами было принято 17—19 лѣтъ, продолжительность же академическаго курса, за немногими исключеніями, равна четыремъ годамъ, то можно-бы допустить отсрочку отбы-

ванія воинской повинности до 23-лѣтняго возраста, но затѣмъ никакихъ другихъ отсрочекъ или льготъ не допускать.

Такъ какъ я считаю, что возрастнаго ценза для поступленія въ высшее учебное заведеніе устанавливать не слѣдуетъ, то могутъ быть случаи приѣма 20-лѣтнихъ юношей; эти лица должны знать, что имъ придется прервать курсъ для отбытія воинской повинности, если у нихъ нѣтъ семейныхъ льготъ. Отъ этой повинности должны-бы, попрежнему, избавляться оставленные при учебномъ заведеніи стипендіаты, готовящіеся къ занятію кафедръ, но только стипендіаты, а не просто оставленные при университетѣ безъ стипендій, для того, чтобы тутъ не нашлось, совершенно неприличной въ данномъ случаѣ, лазейки для пользующихся профессорскою протенціею.

Для полученія правъ государственной службы, а также права практики по своей спеціальности, должны быть организованы при соотвѣтствующихъ вѣдомствахъ особыя комиссіи, ничего

общаго съ высшими учебными заведеніями неимѣющія.

Я считалъ-бы даже необходимымъ допускать къ этимъ экзаменамъ лицъ, и совсѣмъ не бывшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, довольствуясь общеобразовательнымъ цензомъ хотя-бы средней школы, засвидѣтельствованнымъ упомянутыми мною раньше комиссіями, имѣющими выдавать аттестаты («зрѣлости»).

Такимъ образомъ, утилитарныя побужденія къ поступленію въ высшія учебныя заведенія въ значительной мѣрѣ отпадутъ. Исключеніе изъ правила должны-бы составлять будущіе врачи, отъ которыхъ слѣдовало-бы требовать при допущеніи къ экзамену свидѣтельство о прохожденіи курса медицинскаго факультета, а также будущіе педагоги среднеучебныхъ заведеній, отъ которыхъ тоже слѣдовало-бы требовать университетскаго диплома.

Экзаменаціонныя комиссіи при вѣдомствахъ должны быть образованы частью изъ ученыхъ спеціалистовъ,

частью изъ чиновниковъ вѣдомства и изъ практиковъ. Программы должны быть заранѣе выработаны и включать въ себѣ только знанія, потребныя въ избираемомъ родѣ службы, или въ практической специальности. Экзамены должны быть, по преимуществу, письменные. Отъ техниковъ и нѣкоторыхъ другихъ специалистовъ слѣдуетъ требовать представленія свидѣтельствъ о практикѣ, или объ извѣстномъ стажѣ въ опредѣленныхъ помощническихъ должностяхъ.

Реформа среднеучебныхъ заведеній, выдѣленіе «государственныхъ» экзаменовъ изъ стѣнъ высшей школы, основаніе наказанныхъ университетовъ уже сами по себѣ сильно измѣняютъ фیزیономію высшихъ учебныхъ заведеній къ лучшему, но я думаю, что кромѣ всего этого слѣдуетъ обратить вниманіе на прекращеніе хаоса, царящаго въ нихъ и постоянно угрожающаго болѣе или менѣе продолжительнымъ перерывомъ въ занятіяхъ, не говоря о явленіяхъ, которыхъ нигдѣ никакое организован-

ное правительство фактически не терпитъ.

Вопросъ этотъ несомнѣнно очень щекотливый и, въ сущности, вездѣ сложный, но у насъ, въ Россіи, по разнообразнымъ причинамъ, сложнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

Мнѣ кажутся только доказанными опытомъ два положенія: 1) что министерство бессильно удовлетворительно справиться съ безпорядками, если не считать такою мѣрою прекращенія ихъ — закрытіе университета, т. е. временное прекращеніе самого его существованія, какъ учебнаго института, и 2) что и профессора фактически тоже никогда съ ними не справлялись; да и по самому характеру своей дѣятельности, какъ служителей науки, едва-ли когда-либо, въ общемъ, за нѣкоторыми исключеніями, они будутъ обладать такими административно-полицейскими способностями, чтобы успѣшно противостоять такимъ движеніямъ, какъ забастовочное.

Поэтому я лично думаю, что, при

существующихъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ, самымъ практичнымъ, если и не логичнымъ, было-бы передать дѣло поддержанія внѣшняго порядка въ стѣнахъ учебнаго заведенія самимъ студентамъ черезъ выборную организацію. Какую форму придать этой организаціи—правильнѣе всего было-бы установить помощью опроса студентовъ и выработать правила по совмѣстному съ ними обсужденію.

Само собою разумѣется, что теперешнее политическое основаніе студенческой организаціи могло быть только терпимо, но не можетъ быть узаконено, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы какая-бы то ни было официальная власть примирилась съ отдачею университета въ распоряженіе, или подъ верховодство какой-либо политической партіи, оказавшейся въ случайномъ большинствѣ въ томъ или другомъ университетѣ, будь то с-деки, с-еры, кадеты, союзъ русскаго народа, или анархисты-коммунисты!

Думаю, что наилучшею организа-

ціею могла-бы оказаться территориальная, ячейка каковой существуетъ уже въ видѣ «землячествъ», которыя пришлось-бы соединить въ болѣе обширныя единицы. Могли-бы образоваться, конечно, и такъ называемыя корпораціи, едва-ли, однако, въ формѣ нѣмецкихъ буршеншафтовъ, намъ несвойственныхъ, да и въ Германіи уже устарѣвшихъ и представляющихъ слишкомъ много безобразныхъ, съ нашей точки зрѣнія, сторонъ.

Основные условія необходимаго порядка должны быть фиксированы заранее, причемъ первымъ изъ этихъ условій должно быть требованіе, чтобы для каждаго желающаго была обеспечена безвозбранная возможность слушать лекціи и вообще заниматься наукою, независимо отъ настроенія большинства; иными словами, студенческая организація должна а priori и принципиально признать «забастовку» средствомъ примѣнимымъ (хотя и то не безъ оговорокъ) въ фабричныхъ заведеніяхъ, но не въ учебныхъ, хотя-бы и высшихъ, также

какъ и «активный бойкотъ» совершенно недопустимымъ, по этическимъ соображеніямъ.

Еслибъ студенты «заартачились» войти въ соглашеніе (предположеніе вполне допустимое при существующемъ настроеніи, которое можетъ стать надолго хроническимъ, принимая, при этомъ, въ соображеніе особенности характера русскаго студенчества, непохожаго на европейскій), слѣдуетъ постараться рѣшить вопросъ съ помощью однихъ университетскихъ совѣтовъ, и только послѣ всего этого, какъ «ultima ratio», рѣшить вопросъ самому министерству, по необходимости, но безъ надежды на блестящіе результаты.

Кромѣ наблюденія за общимъ порядкомъ, реформированнымъ студенческимъ организаціямъ слѣдовало-бы передать благотворительную часть: раздачу стипендій (кромѣ учрежденныхъ для ученыхъ цѣлей, которыя должны остаться въ рукахъ профессоровъ), взносы за недостаточныхъ товарищей, столовые и т. п.

Считаю, что всѣ эти стипендіи и взносы, какъ мною упомянуто выше, принципиально должны-бы носить характеръ ссудъ, обязательно взыскиваемыхъ въ пользу корпорацій, или вообще организацій, при измѣнившихся условіяхъ существованія бывшаго студента. Такимъ способомъ образовались-бы студенческіе капиталы, которые современемъ оказались-бы весьма важными вспомогательными источниками для будущихъ поколѣній студентовъ. Конечно, капиталы и движеніе суммъ должны быть подчинены организованному практично контролю.

Вотъ, въ общихъ чертахъ и не вдаваясь ни въ какія подробности, все, что я пока находилъ-бы нужнымъ сказать о реформѣ Высшей школы, будучи почти совершенно солидаренъ съ выработанными въ 1906 году проектами уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній, но коснусь въ заключеніе еще двухъ пунктовъ, а именно, во первыхъ, вознагражденія профессоровъ и, во вто-



рыхъ, отмѣны правъ, даруемыхъ аттестатами, о чемъ я говорилъ выше, такъ какъ требуется, какъ мнѣ кажется, нѣсколько добавочныхъ поясненій основной мысли.

Что профессорское жалованіе у насъ несоразмѣрно мало—общеизвѣстно, и несмотря на нѣкоторое его повышение въ неособенно давнее время, оно продолжаетъ оставаться рѣшительно недостаточнымъ, заставляя многихъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній искать занятій на сторонѣ.

Нѣкоторые профессора, правда, послѣ введенія гонорарной системы, стали получать довольно значительное вознагражденіе, но сама система почти единодушно признается и непрактичною, и несправедливою. Несправедливою система можетъ быть названа потому, что въ ней заключается элементъ случайности и размѣръ гонорара зависитъ часто не столько отъ достоинствъ профессора, сколько отъ количества студентовъ на отдѣльныхъ факультетахъ и отъ боль-

шей или меньшей обязательности курсовъ или предметовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда тѣ или другія лекціи привлекаютъ сами по себѣ большое количество слушателей, въ зависимости отъ личности профессора, лектора, или отъ содержанія лекцій, то и это сплошь и рядомъ зависитъ отъ причинъ, ничего общаго съ наукою не имѣющихъ.

Вся присущая гонорарной системѣ справедливость заключается въ предположеніи, что чтеніе лекцій и вообще занятія съ многочисленными слушателями труднѣе, чѣмъ съ малымъ числомъ, что является не всегда вѣрнымъ разсужденіемъ, а также въ другомъ соображеніи, что читать 10 лекцій труднѣе, чѣмъ читать ихъ пять, что несомнѣнно вѣрно, при условіи, конечно, равноцѣнности ихъ содержанія и ихъ изложенія.

Имѣя въ виду послѣднее соображеніе и по нѣкоторымъ другимъ, которыхъ я перечислять пока не стану, слѣдовало-бы, можетъ быть, рѣшиться на такую систему: увеличивъ вообще содержаніе профессо-

ровъ противъ теперешнихъ нормъ, считать это повышенное содержаніе основнымъ и неотъемлемымъ (напримѣръ въ случаѣ даже временнаго, хотя-бы и продолжительнаго, закрытія университета), а затѣмъ выплачивать добавочное содержаніе за каждую читаемую лекцію: напримѣръ, можно-бы назначить, скажемъ, 300 р. въ годъ за лекцію, установивши минимумъ лекцій въ 5, а максимумъ въ 10; тогда добавочное содержаніе колебалось-бы между 1500 и 3000 р. въ годъ (я, конечно, на цифрахъ не настаиваю). Это добавочное содержаніе должно быть уплачиваемо только за дѣйствительно читаемыя лекціи, и не должно выдаваться ни въ случаѣ болѣзни, ни отпуска, ни прекращенія занятій и т. п.

Впрочемъ, это мое предложеніе не является какимъ-либо основнымъ требованіемъ и я не только на немъ не настаиваю, сознавая многія отрицательныя его стороны, но даже не придаю ему особаго значенія, хотя и думаю, что предлагаемою мною мѣ-

рою можно было-бы удачно замѣнить гонорарную систему.

Второй пунктъ, касающійся уничтоженія правъ, даруемыхъ нынѣ дипломомъ, не только несравненно важнѣе, но представляется мнѣ даже имѣющимъ первостепенную важность.

Въ этомъ вопросѣ я могу сослаться на абсолютное большинство членовъ профессорскаго совѣщанія 1906 года, голосовавшаго за отмѣну правъ, причемъ къ большинству присоединилось 7 изъ 8-ми выборныхъ Ректоровъ русскихъ университетовъ.

Долженъ, однако, сказать, что какъ въ самомъ совѣщаніи, такъ и внѣ его раздались профессорскіе голоса за сохраненіе правъ, соединенныхъ съ университетскимъ дипломомъ.

Болѣе основательные доводы въ пользу сохраненія дипломныхъ правъ были высказаны представителями медицинскихъ факультетовъ, требовавшими сохраненія за дипломомъ медиковъ, если не служебныхъ, то правъ практики. Сторонники дипломныхъ правъ изъ представителей другихъ

факультетовъ, къ сожалѣнію, ясно не высказались, но насколько я могъ понять, ихъ возраженія сводились къ тому, что права эти еще нужны для привлеченія юношей въ университетъ (особенно въ смыслѣ согласія на содержаніе ихъ за время ученія со стороны родителей) и что есть опасность предпочтенія правительствомъ лицъ безъ университетскаго образованія «университантамъ» при замѣщеніи чиновничьихъ мѣстъ, что должно повести къ пониженію нравственнаго и интеллеktуального уровня нашей бюрократіи, а также къ уменьшенію ея уваженія къ университету.

Для меня (какъ, впрочемъ, и для большинства профессорскаго совѣщанія, компетентность котораго едва ли можетъ быть оспариваема) эти возраженія мало убѣдительны, но зато, въ чемъ я не только убѣжденъ, но что я твердо даже знаю, такъ это слѣдующее: пока университетскому диплому будетъ придаваться значеніе документа, связаннаго съ полученіемъ гражданскихъ и служебныхъ правъ,

до тѣхъ поръ университетамъ не только не удастся отдѣлаться отъ непосредственнаго начальческаго контроля и прямого воздѣйствія правительственной администраціи, но имъ нельзя даже, не прибѣгая къ софизмамъ и громкимъ, но пустымъ фразамъ, протестовать противъ такого вмѣшательства.

Всякій мало-мальски неглупый бюрократъ, признающій необходимость вмѣшательства попечительной администраціи во всѣ, по возможности, проявленія жизни страны, стоитъ и всегда будетъ стоять за сохраненіе дипломныхъ правъ (особенно если онъ самъ обладаетъ дипломомъ), но едва ли согласится съ тѣмъ, чтобы полученіе дающаго права диплома не было строго регулировано; регулировать же что-либо безъ надзора и вмѣшательства заинтересованной стороны совершенно немыслимо.

Для успокоенія опасеній лицъ, ратующихъ за сохраненіе дипломныхъ правъ, упомяну, что громадное большинство администраторовъ, судей и

чиновниковъ въ Англіи и ея колоніяхъ не имѣетъ университетскихъ дипломовъ, а часто не имѣетъ даже гимназическихъ свидѣтельствъ; лишено дипломовъ и большинство англійскихъ министровъ (нѣкоторые изъ коихъ получаютъ, впрочемъ, докторскій дипломъ *honoris causa*, никогда не бывши въ университетѣ и не написавши ни одного ученаго сочиненія), и тѣмъ не менѣе «приказный» міръ Англіи едва-ли дѣйствуетъ менѣе удовлетворительно, чѣмъ дипломный россійскій....., а уваженіе къ университетамъ и ихъ значеніе отъ указаннаго факта въ Англіи не уменьшилось.

Мое искреннее убѣжденіе состоитъ въ томъ, что привлекать къ научнымъ занятіямъ посредствомъ даруемыхъ правъ и преимуществъ безнравственно, съ этической точки зрѣнія, и непрактично, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ (именно потому, что цѣлью въ этомъ случаѣ является не наука, не нужное для общества знаніе, а дипломъ, нужный

только экзаменуящемуся и часто ничего не доказывающій).

Главнымъ стимуломъ къ поступленію въ высшее учебное заведеніе должно служить стремленіе къ приобрѣтенію знанія, основанное на высокомъ качествѣ научнаго преподаванія; обязанность государства—сдѣлать его, насколько возможно, доступнымъ, отнюдь не понижая его качества, т. е. попросту говоря, понизивъ до возможныхъ предѣловъ стоимость ученія, плату за право слушанія лекцій. Идеаломъ въ этомъ смыслѣ было-бы предоставленіе возможности всѣмъ, окончившимъ среднюю школу, получать высшее образованіе даромъ, бесплатно.

Осуществленію такого идеала, особенно при необходимости значительно увеличить число высшихъ учебныхъ заведеній, будутъ, на практикѣ, вѣроятно, всегда мѣшать, съ одной стороны, финансовыя соображенія, а съ другой—тотъ фактъ, что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучаются и всегда будутъ обучаться далеко не

одни только лица, принадлежащія къ недостаточнымъ классамъ.

Дѣйствительно, если богачи между студентами являются большою рѣдкостью (что вполнѣ естественно въ странѣ, гдѣ вообще богачей такъ мало, какъ нигдѣ въ цивилизованныхъ странахъ), то во всякомъ случаѣ не менѣе половины ихъ принадлежитъ къ числу сравнительно обезпеченныхъ людей, могущихъ, по крайней мѣрѣ, платить за право ученія. Избавленіе такихъ лицъ отъ платы было-бы равнозначущимъ оплатѣ ихъ образованія народомъ, что было-бы явно несправедливо, по причинамъ, изложеніе которыхъ я нахожу излишнимъ.

Если, однако, ввести предложенный мною способъ внесенія платы за товарищей студенческими организаціями, въ видѣ возвратной ссуды, то число лицъ, могущихъ получить высшее образованіе, несмотря на свою бѣдность, могло-бы быть весьма значительнымъ, а современемъ захватило-бы абсолютно на всѣхъ нуждающихся.

Это было-бы еще быстрѣе достигнимо, если-бы сами университеты или правительство взяли-бы на себя погашеніе извѣстной части невозвращенныхъ въ студенческіе капиталы ссудъ: если большая часть воспользовавшихся ссудами, по окончаніи высшаго учебнаго заведенія, всегда будетъ въ состояніи, вслѣдствіе полученія мѣста или вообще вслѣдствіе повышенія своего заработка, вернуть полученную ссуду, то извѣстная часть можетъ оказаться неудачниками; вотъ, за послѣднихъ правительство или университеты могли-бы погашать ссуды по прошествіи извѣстнаго времени и этимъ помочь образованію значительныхъ стипендіальныхъ капиталовъ.

Современемъ эти капиталы достигли-бы такихъ размѣровъ, что отдѣльныя корпорации (землячества и т. п.) могли-бы не только обезпечить жизнь своихъ сочленовъ, но построить собственные дома, имѣть свои библіотеки и т. д.



даря послѣднему обстоятельству, весь складъ (выражаясь кратко) низшей школы, несмотря на существованіе правительственной инспекціи и отчасти вопреки ей, созданъ самостоятельно и, въ общемъ, жизненно; даже правительственная низшая школа (т. н. министерскія училища) заимствовала много хорошаго у земской и городской школы, счастливо, благодаря этому, миновавъ трясины, въ которой завязли средняя и высшая школы.

Придерживаясь мудрой пословицы: «отъ добра добра не искать», слѣдуетъ, мнѣ кажется, не столько хлопотать о коренной реформѣ русской низшей школы, сколько о ея поддержкѣ и дальнѣйшемъ развитіи.

Опасность для низшей школы лежитъ скорѣе въ тенденціи какъ officialнаго міра, т. е. министерства, такъ и весьма почтенныхъ добровольцевъ, и особенно, долженъ сказать, послѣднихъ, заняться этимъ великимъ дѣломъ съ цѣлью его основательнаго реформированія. Я твердо

## IV.

## НИЗШАЯ ШКОЛА.

Насколько высшее и среднее образованіе являлось у насъ дѣломъ рукъ правительства, причемъ частная инициатива, въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, проявилась только въ послѣднее время, настолько развитіе низшаго образованія, особенно въ болѣе крупныхъ городахъ (и на первомъ мѣстѣ въ столицахъ) обязано общественному почину земствъ и городскихъ самоуправленій. Благо-



убѣжденъ, что лучше всего, въ концѣ концовъ, съ нимъ справятся городскія и земскія училищныя комиссіи, которыя, главнымъ образомъ, нуждаются лишь въ одномъ — въ матеріальной поддержкѣ своихъ начинаній со стороны Государства.

Ближайшимъ идеаломъ въ этомъ дѣлѣ должно быть осуществленіе черезъ школу всеобщей грамотности, болѣе отдаленнымъ, но не слишкомъ далекимъ, — такая постановка преподаванія въ низшей школѣ и такіе размѣры его, чтобы всѣ, окончившіе ее, иначе говоря, современемъ абсолютно всѣ русскіе граждане, получили въ ней хотя-бы тотъ минимумъ знаній, который далъ-бы имъ возможность дальнѣйшаго школьнаго или внѣшкольнаго самостоятельнаго развитія.

При этомъ я позволяю себѣ подчеркнуть мое убѣжденіе въ необходимости самостоятельнаго развитія низшей школы, т. е. полной независимости ея отъ измѣнчивыхъ типовъ и программъ хотя-бы средней школы.

Насколько курсъ послѣдней долженъ, по моему твердому убѣжденію, зависѣть отъ требованій высшей школы (такъ какъ главною ея цѣлью должна быть удовлетворительно поставленная пропедевтика къ научнымъ занятіямъ университетскаго типа), настолько низшее образованіе должно преслѣдовать болѣе утилитарную, хотя и не менѣе важную и возвышенную цѣль — поднять общій низкій умственный уровень народонаселенія страны, сдѣлавъ его, прежде всего, сплошь грамотнымъ, т. е. снабдивъ его наиважнѣйшимъ орудіемъ культурнаго развитія, а затѣмъ давъ ему наиболѣе необходимое знаніе для вѣчной и неизбѣжной борьбы съ внѣшнею природою и для мирнаго, но свободного соревнованія при устроеніи своей жизни, повисивъ его сознательность, причемъ употребляю это слово безъ всякихъ ковычекъ и въ прямомъ его, не условномъ значеніи.

Модныя нынѣ теоріи о «единой» школѣ, признаться, меня мало увлекаютъ, и я не вижу реальной необ-

ходимости укладывать всю низшую школу на прокрустово ложе программъ, дающихъ возможность ея питомцамъ поступать безъ экзамена въ тотъ или другой классъ средней школы.

Это, прежде всего, повредило-бы самой народной, въ тѣсномъ смыслѣ слова, школѣ, которая должна имѣть свои самостоятельныя цѣли, и я скорѣе согласился-бы, если это такъ ужь необходимо, подогнать курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ къ курсу низшей школы, чѣмъ наоборотъ, но и въ этомъ я не вижу крайней необходимости.

Находя бесполезнымъ удѣлять здѣсь мѣсто для разбора и критики всякихъ, болѣе или менѣе утопистическихъ, теорій и трудно исполнимыхъ надеждъ, скажу прямо, что среднее и высшее образованіе еще долго, а вѣроятнѣе всего даже всегда будутъ доставаться на долю не всѣхъ, а меньшинства, большинство же будетъ довольствоваться, притомъ не только по

необходимости, но и сознательно, низшимъ образованіемъ. Поэтому, въ этой области стремленіе должно быть направлено къ наиболѣе прантической его постановкѣ: въ городскихъ школахъ, кромѣ общаго курса, могли-бы преподаваться кое-какія ремесла, а въ сельскихъ могли-бы давать нѣкоторыя понятія о сельскомъ хозяйствѣ, животноводствѣ и садоводствѣ или огородничествѣ.

Впрочемъ, долженъ сказать, что это далеко не такъ важно, какъ забота о томъ, чтобы контингентъ учителей и учительницъ былъ возможно хорошии, причемъ слѣдуетъ приложить усилія, чтобы поддержать ихъ привязанность къ дѣлу. Говорю поддержать, потому что эта привязанность фактически и теперь существуетъ въ широкихъ размѣрахъ, также какъ и постоянное въ средѣ учительскаго персонала стремленіе къ усовершенствованію методовъ преподаванія.

Читателю станетъ понятною настоятельная необходимость обезпечить

учительскій персоналъ, прежде всего, въ матеріальномъ отношеніи, когда онъ узнаетъ, что далеко не всѣ учителя и учительницы низшихъ школъ получаютъ даже 15 рублей въ мѣсяцъ, а что есть получающіе 12—10 рублей! Объ этой сторонѣ дѣла я распространяться не стану, такъ какъ само министерство народнаго просвѣщенія, представляя свой проектъ постепеннаго введенія всеобщаго обученія, указало на необходимость увеличенія бюджета по народному образованію на сумму свыше 100 милліоновъ специально на обезпеченіе учительскаго персонала жалованіемъ \*). Убѣжденъ, что

\*) Кромѣ увеличенія жалованья, слѣдуетъ непременно озаботиться обезпеченіемъ учителей и учительницъ пенсіями, причемъ слѣдовало-бы установить, какъ правило, что за 15 лѣтъ службы выслуживается  $\frac{1}{3}$  оклада, за 20 лѣтъ  $\frac{1}{2}$ , за 25 лѣтъ  $\frac{2}{3}$ , а за 30 лѣтъ полный окладъ жалованья. Въ случаѣ болѣзни эти сроки должны сокращаться.

Нетолько полезно, но при малѣйшей возможности прямо необходимо установить увеличеніе вознагражденія по пятилѣтіямъ службы, причемъ первоначальный окладъ не долженъ быть ниже 30—35 рублей въ мѣсяцъ.

ни народные представители, ни общественное мнѣніе необходимости такого обезпеченія оспаривать не будутъ.

Я думаю, что многіе согласятся со мною, если я скажу, что сельскихъ учителей и учительницъ слѣдовало-бы обезпечить даже не только повышеннымъ жалованіемъ, но и землею. Такой клочекъ земли, размѣры котораго могли-бы колебаться, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій (стоимости земли, величины «надѣловъ» и т. п.), между двумя и, скажемъ, 15-ю десятинами, далъ-бы возможность обучить дѣтей хотя-бы самымъ простымъ, но рациональнымъ приемамъ культуры земли и растений, а вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивъ нѣсколько обезпеченность преподавательскаго персонала, привязалъ-бы его къ мѣсту и далъ-бы ему интересное и благодарное занятіе.

Очевидно, что, въ такомъ случаѣ, учителямъ и учительницамъ необходимо будетъ давать нѣкоторое агрономическое воспитаніе, и въ этомъ смыслѣ пришлось-бы дополнить курсы

учительских семинарий и институтовъ. Коснувшись этихъ учебныхъ заведений, слѣдуетъ сказать, что поставлены они положительно неудовлетворительно, и необходимо какъ можно энергичнѣе приступить къ ихъ основательной и рациональной реорганизаци.

Въ связи съ вопросомъ о низшемъ образованіи несомнѣнно находится дѣло упрощенія русскаго правописанія и отчасти самого алфавита. За это дѣло принялась, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ наша Академія Наукъ, не двинувшая его, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ ни на шагъ впередъ къ прантическому осуществленію.

Настоятельно необходимо произвести энергичное давленіе на это почтенное учрежденіе и заставить его въ опредѣленный срокъ такъ или иначе высказаться по этому вопросу. Досадно подумать, что цѣлый ученый синклитъ не въ состояніи продолжить дѣла Великаго Петра и что геніальное рѣшеніе упростить хотя-бы

только одну азбуну не можетъ быть довершено въ теченіе 200 лѣтъ!

Одно избавленіе нашей азбуки отъ никому, кромѣ педантовъ и трусливыхъ консерваторовъ, ненужныхъ буквъ Ѣ, Ѥ, Щ, (-щч), Ѧ, Ѩ, Э, двухъ начертаній буквы и \*) значительно облегчило-бы и даже ускорило-бы усвоеніе грамоты, этой первоосновы всякаго знанія.

Пусть затѣмъ Академія занимается хоть 10, 20 или даже 50 лѣтъ сложными вопросами правописанія, о томъ, дѣлать-ли различіе въ окончаніи множественнаго числа прилагательныхъ мужскаго и женскаго рода, писать-ли однѣ (е) или одни, писать-ли слито втеченіе, или раздѣльно въ теченіе и т. д., но пусть рѣшитъ она коренной вопросъ—вопросъ объ исправле-

\*) Слѣдовало-бы заняться не однимъ упрощеніемъ, но и улучшеніемъ русской азбуки; введеніе въ нее іотированныхъ гласныхъ казалось-бы логическою и практическою необходимостью, причемъ отпала-бы буквы я и ю, замѣненные іотированными а, у.

ни алфавита, съ тѣмъ, чтобы пока она думаетъ, можно было перепечатать стоящія того старыя (ихъ, увы, немного) книги и печатать новыя въ исправленномъ видѣ.

Вѣдь въ концѣ концовъ, азбука является геніальнымъ изобрѣтеніемъ человѣческаго ума, имѣющимъ цѣлью передать графически звуки рѣчи и путемъ изображенія словъ установить общеніе мыслями со своими соотечественниками. Для кого-же и для чего нужно усложнять это изобрѣтеніе или противиться его упрощенію, когда явно отъ этого никакого практическаго вреда не произойдетъ, а одна только польза? Отъ дозволенія писать и печатать «смех» вм. смѣхъ, «ето» вм. это, «речь» вм. рѣчь ничто не поколеблется, а облегченіе выйдетъ великое.

Теперь два слова о правахъ. Нужно-ли давать какия-либо права за окончаніе низшей школы?

На этотъ вопросъ отвѣчаю положительно: да, слѣдуетъ принимать во вниманіе свидѣтельство сельской

и городской школы при отбываніи воинской повинности, иными словами — я считаю справедливымъ, чтобы срокъ обязательной службы сокращался для всѣхъ, окончившихъ курсъ низшей школы, если ихъ грамотность и другія элементарныя знанія засвидѣтельствованы не возбуждающимъ сомнѣнія документомъ.

Съ практической точки зрѣнія, это важно, какъ извѣстнаго рода поощреніе родителей отдавать своихъ дѣтей въ школу и не брать ихъ оттуда домой преждевременно; съ другой стороны, такое сокращеніе дѣйствительной службы и справедливо, такъ какъ обученіе новобранца «словесности» требуетъ извѣстнаго количества времени, въ ущербъ собственно воинскаго воспитанія.

Въ зависимости отъ того, какой срокъ службы будетъ признанъ необходимымъ въ Россіи, воинская повинность для лицъ, получившихъ удовлетворительное элементарное образованіе, могла-бы быть сокращена minimum на 6 мѣсяцевъ и maximum

тум на 1 годъ; такимъ образомъ, еслибъ срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ былъ для отбывающихъ повинность по жребію въ  $3\frac{1}{2}$  или въ 3 года, то свидѣтельство низшей школы давало-бы право на отбытіе ея въ дѣйствующихъ войскахъ въ  $2\frac{1}{2}$  или въ 2 года; если срокъ службы будетъ установленъ въ  $2\frac{1}{2}$  или 2 года, то онъ сокращался-бы до 2 или  $1\frac{1}{2}$  лѣтъ въ строю.

Конечно, тою-же привиллегією должны пользоваться лица, имѣющія свидѣтельства или аттестаты высшаго разряда, т. е. свидѣтельства объ окончаніи средняго и высшаго образованія, такъ какъ такіе аттестаты покрываютъ собою свидѣтельство о прохожденіи низшей школы.

Поступающіе въ войска не по жребію, а добровольно (такъ наз. охотники и вольноопредѣляющіеся), могли-бы, какъ и нынѣ, служить половину положеннаго срока, а если будетъ найдено необходимымъ, то даже и  $\frac{2}{3}$ .

Говоря вообще, система преподава-

нія въ низшей школѣ, какъ въ сельской, такъ въ особенности въ городской, повидимому, удовлетворительна: учительницы и учителя, за единичными исключеніями, занимаются съ дѣтьми добросовѣстно, а часто даже съ увлеченіемъ и самопожертвованіемъ, почему и дѣти усваиваютъ хорошо и довольно быстро все, преподаваемое въ школѣ.

Однако, условія жизни слишкомъ рано отрываютъ учениковъ отъ школы, а потому прибрѣтенныя знанія довольно быстро и часто основательно испаряются. Съ этимъ зломъ слѣдуетъ бороться устройствомъ сельскихъ библиотекъ, изданіемъ дешевыхъ повременниковъ и т. п.; но кромѣ того, совершенно необходимо учрежденіе повторительныхъ курсовъ (ежегодныхъ, въ теченіе недѣли, двухъ или трехъ) до извѣстнаго возраста. На посѣщаемость этихъ курсовъ можно повліять, связавъ ихъ съ правами по воинской повинности, требуя, на примѣръ, отъ лицъ, пользующихся правомъ на сокращенный



срокъ, для того, чтобы въ дѣйствительности воспользоваться этимъ правомъ, отмѣтокъ на аттестатѣ о посѣщеніи повторныхъ курсовъ и о провѣркѣ при этомъ ихъ знаній.

Привилегіи по отбыванію воинской повинности, могуція явиться важнымъ побудительнымъ средствомъ въ дѣлѣ элементарнаго обученія мальчиковъ, непримѣнимы, конечно, къ дѣвочкамъ. Между тѣмъ, грамотность женщинъ, можетъ быть, даже важнѣе, чѣмъ грамотность мужчинъ: грамотный отецъ зачастую относится довольно безразлично къ тому, посѣщаетъ-ли школу его ребенокъ, или нѣтъ; грамотная мать всегда сама научитъ грамотѣ своихъ дѣтей и будетъ важною пособницею школы.

Къ сожалѣнію, у православнаго населенія, т. е. у большинства жителей Россіи отсутствуетъ тотъ важный стимулъ къ достиженію грамотности, который существуетъ во многихъ цивилизованныхъ странахъ въ формѣ конфирмаціи. Поэтому, у насъ слѣдуетъ придумать иные каіе-либо

способы для поощренія грамотности среди дѣвочекъ. Можетъ быть, каіе-либо преміи, назначаемыя сельскимъ обществамъ, въ видѣ уменьшенія земскихъ повинностей, или чего-либо подобнаго, за введеніе поголовной въ обществѣ грамотности дѣвочекъ, оназались-бы практичными: таія матеріальныя жертвы окупилась бы весьма скоро съ лихвою, поднявъ общую культурность деревни.

Необходимо сказать еще два слова объ элементарной школѣ въ нерусской части народонаселенія нашего великаго Отечества.

Я рѣшительный и убѣжденный сторонникъ преподаванія на родномъ языкѣ учащагося, а потому считаю, что въ польской низшей школѣ преподаваніе должно происходить на польскомъ языкѣ, въ литовской—на литовскомъ, въ грузинской—на грузинскомъ и т. д., если самимъ народонаселеніемъ опредѣленно не выражено требованіе о преподаваніи на государственномъ языкѣ.

Но для того, чтобы воспользоваться

льготными сроками при отбываніи воинской повинности, необходимо требовать не только нѣкотораго знанія русскаго языка, но и умѣнія читать и писать по-русски. Поэтому, государственный, т. е. русскій языкъ долженъ быть введенъ въ курсъ, при заявленномъ населеніемъ желаніи, какъ предметъ, и предметъ, хорошо поставленный. Если, по предупрежденіи заинтересованныхъ сельскихъ или городскихъ обществъ о послѣдствіяхъ для дѣтей по отбыванію ими воинской повинности, эти общества не захотятъ вводить русскаго языка въ свои школы—я, признаться, считалъ-бы правильнымъ не настаивать и отнюдь не вводить русскаго языка въ школу насильственно. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, однако, ясно, что нельзя давать никакихъ льготъ въ отношеніи сокращенія сроковъ отбыванія воинской повинности юношамъ, которыхъ придется предварительно научить понимать командныя слова и вообще языкъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ.

Очевидно, что нелѣпѣйшее запрещеніе преподавать русскую грамоту, существовавшее до послѣдняго времени по отношенію къ нѣкоторымъ еврейскимъ школамъ (напр. въ хедерахъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края), должно быть навсегда отвергнуто и забыто.

Относительно программы низшей школы думаю, что minimum требованій, въ виду даруемыхъ за окончаніе ея правъ при отбываніи воинской повинности, долженъ быть установленъ правительственною властью или, точнѣе, законодательнымъ путемъ, maximum же, такъ-же какъ и подробности программъ, способовъ преподаванія и т. п., періодическими и пораіонными съѣздами преподавателей и преподавательницъ подъ руководствомъ земскихъ и городскихъ самоуправленій.

Роль правительственной инспекціи должна сводиться къ провѣркѣ только двухъ фактовъ: во первыхъ, соотвѣтствуетъ-ли проходимый курсъ установленному минимуму, т. е. не

ниже-ли онъ его, и во вторыхъ, тратятся-ли казенныя субсидіи школамъ именно на тотъ предметъ, на который онѣ ассигнованы. Собственно завѣдываніе и руководство школами должно всецѣло быть передано мѣстному самоуправленію, на его полную и нераздѣльную отвѣтственность.

Такимъ образомъ, такъ называемая низшая школа не требуетъ въ настоящее время столько реформирования (за исключеніемъ «инородческой»), сколько финансовой поддержки и заботы о ея дальнѣйшемъ развитіи, при дѣятельномъ не только содѣйствіи, но прямомъ и непосредственномъ участіи земскихъ организацій.

Дѣло широкаго насажденія образованія въ народѣ является первѣйшею нынѣ задачею и правительства, и народныхъ представителей.



## ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТР.
I. Политика въ школѣ . . . . .	1
II. Средняя школа . . . . .	26
III. Высшая школа . . . . .	69
IV. Низшая школа . . . . .	112

